

«Записки в стол» написаны в 1999 году в стиле так называемой антиутопии – угрожающе контрастного предупреждения на будущее. Увы, контраста не получилось, разве что сроки нарочито сжаты. Притча на глазах превращается в реальность. Впору задуматься о финале.

Александр Логовский

Притчи Ближнего Востока

Записки в стол

Вместо вступления.

Израиль – мифологическая страна. Большая часть живущих вне ее представляют ситуацию там в лучшем случае на уровне стереотипов.

Даже для израильтян все выглядит, как на открытке с двойным изображением: сдвинул голову влево – одна картинка, чуть вправо – другая, – ничего общего. Слева – либеральный лагерь, справа – национально-патриотический.

Единственная моя цель – попытаться показать страну с позиции человека либерально-демократических взглядов. Постепенно, шаг за шагом, как ее видит новый репатриант. Рассказать о том, что его беспокоит, чего он опасается.

Почему записки ведутся из будущего? Чтобы меньше придирались к мелочам, а больше беспокоились о главном. Да и какое это будущее – каких-нибудь три-четыре года? Пока писал, часть его стала настоящим вне расписания.

Сегодня еврею натравливать своих на арабов и арабу – науськивать своих на евреев – много ума не надо. Натравливающих и науськивающих хватает с обеих сторон.

Я еврей, и мое желание – остановить своих на границах разума и совести. Нам нельзя терять голову в диких стычках. Как и положено по статусу сильной и демократической стране.

Когда вы убедитесь, что я не преувеличил внешние проблемы Израиля, то, надеюсь, поверите, что и во всем остальном не сгустил краски.

Израиль слишком важен для всех евреев. И мы должны защитить его от тех своих же, которые всеми силами стремятся вернуть нас в трагическое прошлое, навсегда сохранив при этом героическое настоящее. Вместо счастливой жизни в родной стране.

Автор

Израиль опасно накренился вправо. Будем считать эти записки притчей, рассказывающей о том, что может произойти, когда национальная идея подминает права человека, а «принципы» оказываются важнее мира. Евреи всегда любили притчи.

1 сентября 2001 года

Сегодня начало 5762 года по еврейскому календарю. Я перестал посылать статьи в газеты. Уже больше года мне практически никто не платит. А жить-то надо! Но насчет денег я давно – полгода тому назад – принял соответствующие меры. Наконец делом занялся, как не без оснований заявила Лена, которая с самого начала не верила в возможность жить более или менее нормально в Израиле за счет русскоязычной журналистики. И, как это очень часто случалось в практических, земных делах, оказалась права.

Может, я бы согласился жить чуть хуже, чем «нормально», лишь бы заниматься любимым делом. Все-таки работали и работают в русской прессе журналисты, хотя никто из них вилл не построил. Но я и этого минимума больше получать не мог, потому что потребность в журналистах «нетрадиционной ориентации» для русско-израильской прессы в последние годы практически отпала. Я имею в виду, разумеется, не сексуальную, а политическую ориентацию. Крайние для Израиля леволиберальные взгляды, которые на Западе с трудом бы дотянули до центристских, перестали пользоваться спросом на «русской улице». Из четырнадцати русскоязычных газет, не на жизнь, а на смерть боровшихся за читателя, только одна дышащая на ладан газетка была известна как слегка – чтобы не шокировать публику – левая. Но денег она не получала и, соответственно, не платила. Писать в эту газету выглядело какой-то графоманией, что для бывшего профессионала самая последняя вещь. Да и жить без денег сложно...

Итак, полгода тому я вынул из папки свои документы об окончании в далеком 1985 году московского института связи и решил реанимировать специальность, по которой некогда проработал всего два года. В те далекие времена я легко переключался в журналистику, для этого были все возможности. У меня хватало литературных способностей для корреспондента, была настойчивость и жажда приключений. А для приключений и преодолений в России было широчайшее поле деятельности – горячих точек хватало с избытком по всей стране. Я не случайно упоминаю об этом: Израиль, несмотря на свои конфликты со всеми, после моего опыта в России мало чем мог меня испугать. Так мне казалось при

отъезде... Об этом как-нибудь позже, если будет настроение.

Я буквально на днях окончил курсы при телефонном монстре под названием «Безек», прошел стажировку и через неделю должен буду выйти на работу. Моя новая специальность – установка в домах телефонов, ремонт и поиск неисправностей в старых сетях. Дело нехитрое, связанное большей частью с проводкой, установкой разъемов, пылью, асбестом и прочими прелестями.

Не буду отрицать, это нанесло удар по моему престижу (я имею в виду внутреннее самоощущение – другого престижа у меня, к счастью, пока не было). Но хорошо, что я успел три с небольшим года поработать журналистом. Я вижу перед собой не один пример профи, проработавших тут уже более десятка лет, для которых переход в мой сегодняшний статус был бы огромной личной трагедией. Я вижу, как эти люди вынуждены приспособливаться, попросту терять лицо, убеждать себя Бог знает в чем, чтобы не утратить работу. Это со стороны выглядит ужасно, даже появляется какое-то чувство неловкости при встрече. Начинаешь понимать, почему журналистику называют второй древнейшей профессией, невольно вспоминая при этом первую...

В ивритской прессе это не выглядит настолько цинично, там все еще сильны традиции. В русскоязычной они тоже сильны, эти традиции, привезенные с собой. У нас власть политиканов и денег почти безгранична.

Короче, я для себя решил, что «мы пойдем другим путем», не таким путем надо идти. Я вывесил флаги: погибаем, но не сдаемся, – и решил вообще ничего не писать. Но душа-то просит! И вот, по примеру советских диссидентов, я решил писать в стол. А может, по примеру старых дев, ведущих надушенный дневник? Нет, сравнение с диссидентами приятнее. Правда, диссиденты не печатались из-за цензуры, а я – из-за не востребоваемости...

Обратил внимание, что все время как бы обращаюсь к читателю, которого нет и не предвидится. Это просто привычка. Прощу себе это. Но постараюсь говорить то, что думаю, и такими словами, которые первыми пришли на ум. Интересно, получится ли не лгать самому себе?

А начну я с того, что давно накипело.

Только в дневнике я могу наконец попробовать высказать честно кое-какие свои взгляды на еврейскую проблему, не боясь, что меня, в соответствии с точными указаниями Торы, побьют камнями.

Эти соображения давно будоражат мне душу.

Попробую.

Уже давным-давно известно, что при расследовании преступления надо, прежде всего, выяснить, кому это выгодно. А вся многовековая история еврейского народа, его непрерывные мучения и унижения, безусловно, являются следствием вольного или невольного, но по своим

результатам все-таки преступления.

Итак, кому выгодно такое трагическое существование целого народа? Заметьте, я не ставлю вопрос привычно: в чем причина антисемитизма? В попытках ответить на этот вопрос исписаны сотни огромных томов.

Начитавшись детективной литературы (шутка), я задаю себе другой, но вполне конкретный вопрос: кому это было выгодно? Кому это продолжает быть выгодно сейчас?

Ссылаться на историю казни Иисуса Христа? О-хо-хо! Отношения с христианами не очень отличаются от всяких прочих историй с представителями других вероисповеданий. Даже Ватикану уже давно нет никакой выгоды в поругании евреев. А мы с вами ищем самую вескую причину – длительную и устойчивую выгоду.

Простейший ответ – что это было выгодно власть имущим галута¹, которые хотели иметь козла отпущения, для того чтобы оправдывать перед народом все свои прегрешения (ну, дальше эту мякину все знают), – такой ответ меня не удовлетворяет.

Обращает на себя внимание, что менялись места проживания еврейских общин, эпохи, религии, уровень развития жителей стран галута. Перебирались практически все возможные варианты обстоятельств, но картина в общем оставалась, как правило, типичной. Чаще всего вначале все было вполне благополучно, потом – хуже и хуже. Кончалось опять изгнанием.

Обстоятельства менялись, но неизменным оставалось только одно – религия и форма существования еврейских общин. Это наводит на размышления...

Кивать все время на некий необъяснимый фантом всемирного антисемитизма малоубедительно. Не забудьте, что я говорю о выгоде. Всем почти без исключения правящим элитам эта ситуация была выгодна? Не похоже. К тому же простой народ был более усердным и остервенелым гонителем, чем верхушка.

Глупо отрицать, что в поведении и образе жизни еврейских общин было нечто такое, что действовало на хозяев-аборигенов, как красная тряпка на быка, постепенно доводя окружение до желания избавиться от раздражителей. Есть немало городов в Европе и Азии, где вам покажут бывшие еврейские районы, у которых неизменно общая судьба – евреи там больше не живут. И не по своей воле.

Да, понятно, что община, которая из поколения в поколение жила в стране, подчеркнута ни с кем не смешиваясь, которая не только не старалась приспособиться, но демонстративно держалась на дистанции, – такая община могла раздражать кого угодно. Раздражало, что, опять-таки из поколения в поколение, даже дети, словно назло, воспитывались зачастую таким образом, что не умели правильно говорить на языке страны, хотя и

¹ Галут – изгнание, рассеяние евреев со времени разрушения Храма.

своего родного языка не имели. Говорили с акцентом, картавя, как угодно, но иначе. Или, как это было с идиш², пользовались чужим языком, но подчеркнута искаженным, а писали вообще другими буквами, словно для того, чтобы снова на том же немецком говорить с акцентом.

Эта тенденция не случайна. Вот еще пример. Потеряв давным-давно одеяния предков, евреи в российском гетто придумывали себе отличные от всех, прямо скажем, нелепые одежды. Словно пугающий окрас, чтобы их сторонились и чтобы сами они могли сторониться всех. И по сей день так и ходят – и в Нью-Йорке, и в Израиле.

Особую роль в этой процедуре играл кашрут³. Испокон веков с неизбежным подозрением соседи относились к людям, которые не могли разделить с ними хлеб-соль, которые брезговали угощением, – не так уж важно, по какой причине. Принять или не принять пищу, угостить или не угостить – было основой добрососедства во всех культурах, традициях и религиях.

Не случайно с глубокой древности в большинстве негативных упоминаний о евреях обычно в числе первых отмечался кашрут – нежелание разделить трапезу.

До сих пор помню, как я однажды откушал у своего праведного приятеля. Вышел на кухню зачем-то – и заметил, что хозяйка выбрасывает в мусорное ведро тарелки, из которых я ел (к счастью, недорогие). Она покраснела, а я... Ноги моей там больше не было. Не многие обиды, действительные или мнимые, оставили в моей душе такой глубокий след...

Вот еще пример, более симпатичный и добродушный. Есть у меня приятель, постарше меня. В Израиле живут четыре поколения их семейства, пусть все будут здоровы. Его отец с матерью по приезде сюда впали в серьезную ортодоксию. Дочь моего приятеля часто у них гостила и при их содействии пошла в элитную религиозную школу. Затем она вышла замуж за довольно фанатичного ультраортодокса.

И нынешняя картина жизни моего героя очень необычна. Родители едут к нему со своими баночками с едой и со своей посудой. Тут же возникает проблема холодильника с обследованием на кашрут и прочее, и прочее. Короче, когда родители уезжают, он, несмотря на несомненную любовь к ним, с облегчением вытирает пот со лба. Жена его помалкивает...

А с дочкой еще сложнее. Зять к ним ехать не хочет, потому что не уверен в стерильности, тьфу, кошерности этого дома. Мой товарищ ездит повидаться с внучкой сам, причем гулять ее с ним без надлежащего надзора отпускают тоже неохотно: неизвестно, чем, а главное, в каком сочетании он может ее накормить. Скажите на милость, кто, кроме любящих родных сердец, может это вынести? Люди живут в разных измерениях.

А поездки за границу, которые превращаются в сплошной кошерный

2 Идиш – бытовой и литературный язык ашкеназских (германских по происхождению) евреев, лексика которого почерпнута, в основном, из немецких диалектов, а письменность – традиционная древнееврейская.

3 Кашрут – свод правил ритуальной чистоты пищи.

марафон...

Но вернемся от частного к общему. Такая замкнутость, неконтактность, кажущееся (или истинное?) высокомерие порождали слухи и легенды одни хуже других о ритуалах еврейских религиозных общин. Все эти причины могли раздражать, бесить и даже приводить к изгнанию. Но! Ни для кого из окружающих не было никакой выгоды в таком поведении еврейской общины. Неприязнь, раздражение – не то чувство, которое доставляет удовольствие. Наоборот, жители страны заинтересованы в том, чтобы как можно скорее все приспособились друг к другу.

Мы все с детства знаем, что терпимость и уважение к правам других людей, непохожих на нас, является отличительной чертой любого порядочного общества. Но почему-то часто не отдаем себе отчет, что это уважение и терпимость должны быть взаимны. И пришельцы точно так же должны прилагать максимум усилий, чтобы приспособиться к местному населению, создать с ним ансамбль или, по меньшей мере, не торчать у него как кость в горле. Это тоже обязанность, за это пришельцы тоже несут полную меру моральной ответственности. Нужно признать, что у евреев это не получалось.

Если у вас под окнами всю ночь будут бить тамтамы и раздаваться завывание воинов из Африки, вряд ли вам это долго будет нравиться. Я понимаю, что это сравнение, как и любое другое, хромает, но все же...

Самое удивительное, что еврейские общины не делали никаких выводов из неизменно повторяющихся обстоятельств. Не делали даже попытки приспособиться к окружающему миру, что свойственно всему живому на земле. Они даже не скрывали своей гордости вековыми мучениями. Невольно закрепляется мысль, что кому-то влиятельному очень не хотелось, чтобы ситуация изменилась. А ведь в отличие от цыган, отношение к которым тоже сродни антисемитизму, евреи были народом оседлым, владели имуществом и ремеслами. Им было что терять. Для них изгнание было трагедией...

Выходит, я подбираюсь к тому, чтобы обвинить Бога? Ведь это он передал евреям законы, которые заставляют их навлекать на себя неприязнь населения любой страны, где бы они ни жили, и быть вечно неприкаянными и гонимыми?

Нет, я так не считаю, используя опять-таки принципы, почерпнутые из детективов (шутка). У меня нет оснований верить в то, что Бог это все завещал. Нет свидетельств этому – ни исторических, ни даже косвенных. Да, Моше⁴ все это рассказывал, скорей всего. Даже вполне допускаю, что и верил в то, что говорил. И что люди когда-то слышали то ли слова, то ли грохот. В Торе пишут – и дым видели. За многие сотни лет и не такое повидали. Но кроме скрижалей и десяти заповедей этот самый Моше-рабейну еще очень много чего передавал евреям от имени Господа. Нет

⁴Моше – пророк Моисей.

никаких доказательств, что в этом действительно принимал участие Бог.

Я решительно встаю на его защиту. Не могу поверить, что всезнающий и всеильный Бог мог позволить себе создать целый народ, единственной целью существования которого было бы служить ему, Богу, славить имя его. Предназначить, как многие искренне говорят, свой народ на мученья во имя славы своей. Все это жестоко и нелепо. Представляю себе такое: специально кого-то создаю, чтобы меня же они потом и славили. А не послушались моих заветов – обрекаю на муку и изгнание целые бесконечные поколения, ни в чем не повинные. Мурашки по коже, волосы дыбом!

Если бы Моше вовремя остановился и передал людям только десять заповедей – этого было бы вполне достаточно для вечной славы иудаизма. Я уверен, что если и было что-то, то именно так. Все остальное мне кажется отсебятиной, даже по стилю, по мысли, по важности тем и по многим другим признакам – явно другого автора... Остальное – это фольклор, древнее народное творчество, причем вполне определенной, заинтересованной части этого народа. Это творение нужно чтить, ценить и уважать как исторический памятник. Но жить по сей день по этим законам бессмысленно и опасно.

Человек разумный оставил бы себе скрижали с заповедями, сохранил бы несколько особо памятных обычаев и ритуалов, которые бы не мешали, а, наоборот, помогали жить. Как делали все дожившие до сего дня религии. Но нет, кому-то нужно было, чтобы еврей с головой погрузился в бесконечное изучение и в неисполнимое исполнение бесчисленных заповедей, так, чтобы ни на что больше ни времени, ни сил уже не оставалось.

Кому?

Конечно же, не Богу. Ему совершенно ни к чему, чтобы его любимый народ испытывал многовековые унижения. Что ж это за Бог такой, – могли спросить люди, – который не в состоянии защитить народ свой? Который многие сотни лет мстит своим же за непослушание? Народы не только могли спросить, но и действительно спрашивали так, – и уходили к богам более разумным и менее мстительным.

А ведь прославили еврейский народ в глазах всего мира именно те и только те евреи, которые ушли – нет, не от религии, а из религиозного образа жизни. Их, а благодаря им и нас с вами, знает весь цивилизованный мир. И кто бы меня ни пытался уверить, что нашему Богу выгодна эта нелепая ситуация, что это ему добавляет лавров – нет уж, дудки!

Это мы рассматривали ситуацию как бы снаружи. Поглядим изнутри.

Я не хочу верить в то, что евреи генетически все поголовно мазохисты и от рождения мечтают быть страдальцами. Более вероятен другой вариант.

Все в мире относительно, а следовательно, лучше быть самым

богатым среди бедных, чем самым бедным среди богатых. Я не намекаю, а прямо говорю, что ситуация гетто выгодна только и исключительно духовным лидерам, начиная от простых раввинов и кончая мудрецами Торы. То есть тем, кто писал Галаху⁵ и следил за ее неукоснительным исполнением. Кто воспитывал в пастве с младенческого возраста покорность и бесконечное терпение. И совсем не трудно объяснить себе, почему это так.

Грубо говоря, раввины общин никогда не должны были заботиться о хлебе насущном – вопрос о том, что положено Богу, один из важнейших в ортодоксальном религиозном учении. Но это грубая, материальная сторона проблемы. Есть еще более чувствительная, духовная. Мудрецы Галахи могли считаться мудрейшими из мудрейших и светлейшими из светлейших, не проходя конкурсного отбора со светлыми головами цивилизованного мира. Они были светочем ума и знаний для небольшой группы довольно невежественного во всем, кроме религиозных догм, народа, который их же учением лишен был возможности сравнивать. Наверно, по этой причине духовные лидеры люто ненавидели ушедших из религии и добившихся успеха в миру, в реальном открытом соревновании...

Я хочу оговориться, что в начальный период, в недолгие годы существования Иудейского царства было иначе, но этот этап по сравнению со столетиями интеллектуальной стагнации еврейских общин был столь кратковременным!

Добавим к этому абсолютную власть в сочетании с самым откровенным поклонением, равных которому я сейчас и не припомню. Речь, разумеется, идет о власти и, главное, полной неприкасаемости духовных лидеров общин ультраортодоксов (до исторически недавнего времени все общины были по сути ультраортодоксальными). Они, религиозные лидеры, выше закона, а для членов своих общин они – сам Закон в прямом, а не в переносном смысле этого слова. Так было всегда и так есть в Израиле сегодня.

Мы на словах боремся за победу демократии в арабских странах. Может ли какой-нибудь арабский депутат позволить себе заявление: мы проголосуем так, как скажет уважаемый и любимый президент или король (пусть даже он так думает)? Никогда. Для них существует предел подобострастия, хотя бы внешний. А наш лидер партии ШАС⁶ без тени смущения перед голосованием по вопросу мира и войны, по вопросу жизни и смерти, заявляет: как решит рав Овади, так и проголосуем! И действительно, так и будет. Как проголосует ШАС – такое будет решение. А ШАС – это его духовный лидер. Это знают все. Вот такая демократия.

⁵ Галаха – совокупность практических требований и предписаний религиозного Закона, которым еврей следует в своей повседневной жизни.

⁶ ШАС – ультрарелигиозная партия сефардов, в настоящее время третья по величине партия в кнессете. По численности практически не уступает Ликуду и Аводе – основным партиям Израиля. Железная дисциплина, беспрекословное подчинение духовному лидеру – раву Овади Йосефу, собственная система образования, в основе которой лежат религиозные догмы, отличают эту партию.

Мне кажется, что в этом ответ на вопрос «кому это выгодно».

Ну ладно, а как удалось добиться такого абсолютного, а главное, длительного, не меняющегося тысячелетиями, подчинения? Как можно было пронести через века такую окаменевшую и такую неудобную для всех, и в первую очередь, для самих общин форму существования? Время теократии прошло уже много веков тому. Если и случаются исключения из правил, как, например, нынешний Иран, то все убеждены в кратковременности этих выбросов. Почему же, видя, насколько всем вокруг живется лучше (а не видеть этого мог только слепой), члены общины не разбежались кто куда? Как сумели этого не допустить?

С моей точки зрения, ответ на эту задачу прост и гениален в своей простоте. Нужно было определенной системой мер добиться того, чтобы члены общины стали несовместимыми с любым обществом вне гетто, чтобы они не смогли там выжить, чтобы везде вне своей среды они были изгоями. Добиться того, чтобы побег из гетто был практически обречен.

Еще лучше, если евреи при всем этом будут считать себя избранным народом – так сказать, написанное на лице «самоуничужение паче гордыни».

А то, что это сочетание станет труднопереносимым для окружения, приведет к стойкому и укрепляющемуся во времени и пространстве антагонизму с окружающим миром, – ну что ж, чем хуже, тем лучше. Меньше соблазнов, больше будут ценить родное гетто. Пусть знают: вокруг сплошной антисемитизм. Получается, что антисемитизм входит важной составной частью в программу стабильности ультраортодоксальных общин.

То есть, другими словами, необходимо было добиться всего того, что и произошло в реальной жизни еврейского народа.

Уже многие века надежно обеспечивает это состояние Галаха под неусыпным надзором ультрарелигиозных лидеров.

Законы Галахи, по сути, создали не религию, а религиозный образ жизни, в котором все регламентировано, расписано и намеренно усложнено. Во главе с кашрутом и еще шестью с лишним сотнями заповедей. Образ жизни, который находится в непрерывном противоречии с окружающей действительностью. С детства воспитанные в этих догмах, члены ультраортодоксальных общин хорошо себя чувствуют только среди себе подобных. В гетто. В еврейском гетто, которому уже много сотен лет. Стены, отделяющие евреев от окружающего мира, воздвигались прежде всего и усердней всего изнутри.

Я не утверждаю, что все это было задумано именно так с самого начала. Но, увидев долговременные преимущества этой системы, религиозные лидеры впоследствии стали неистово сохранять ее уже вполне сознательно. В этом я уверен. И главной их опорой стал закоренелый консерватизм. Консерватизм как принцип. Никаких изменений, чтобы не дать возможности общине приспособливаться к непрерывно меняющемуся

миру. Нас не касается, что там, снаружи. Мы выше этого.

И еще: в основу образования сознательно закладывалось, да и сегодня закладывается невежество под религиозным соусом. Попробуй убеги с таким багажом в мир!

Именно по этой причине «специфическое» религиозное образование является краеугольным камнем ортодоксального иудаизма и по сей день.

В Европе и Америке так продолжалось до начала двадцатого столетия. Потом под напором цивилизации фанатичная ультраортодоксальная религия проиграла, наконец, и практически исчезла, уступив место реформистским и консервативным умеренным религиозным движениям. Эти движения, основываясь на Торе и Галахе, в то же время не признавали демонстративно-ритуальный закосневший образ жизни ультраортодоксальных общин. Они отводили вере то место, которое ей Богом предназначено, – в душе человека. В остальном еврей должен быть вполне современным человеком, способным не только идти в ногу со временем, но и обгонять его.

Евреи вышли в свет из гетто. Но шлейф ставшего уже привычным отношения к нам тянется до сих пор. Такие вещи очень инерционны, не зря говорят: сначала ты работаешь на авторитет, потом авторитет работает на тебя.

В этой проблеме, как и в любой другой, есть две стороны медали. И нам об этом следует помнить. Я просто высказываю свои взгляды на то, кто сказал «а». Хотя это «а» не оправдывает антисемитизма и антисемитов. Особенно антисемитов с большой буквы...

Если тебе не нравится человек и его образ жизни, то это вовсе не значит, что ты можешь дать ему палкой по голове и забрать его имущество.

(Не хочу касаться темы погромов, геноцида народов – своих и чужих, Холокоста и т. д. Это совсем другая история, к моим размышлениям она отношения не имеет. Почему в человеке иногда просыпается дикий ненасытный зверь? Разве это можно как-то объяснить? Даже себе? Я не берусь...)

Подведу итоги. Что же, по моему мнению, первично – антисемитизм являлся причиной отторжения еврейских общин во всех странах галута или подчеркнутое их обособление стало источником антисемитизма? Конечно же, и то, и другое. Повторюсь: есть две стороны медали. Но первичным все же является ортодоксальный религиозный фундаментализм.

А вот и сформулированный мною вывод: первопричиной антисемитизма была и остается политика сознательно поддерживаемой религиозными лидерами конфронтации, нестыковки иудаистских общин со всем окружающим миром.

А кому это выгодно, я уже написал. Ей-богу, других заинтересованных не вижу...

И еще одна крамольная мысль меня посетила.

Я сомневаюсь в известном постулате: благодаря ультраортодоксам евреи сохранились как народ. Мне кажется, что не благодаря, а скорее вопреки.

Во-первых, ультраортодоксы сохранили не народ, а религию, причем в ее наиболее крайнем, сектантском виде. Сохранили, поместив людей в гетто и отрезав их от окружающего мира. И заплатили люди за это трагедией сотен поколений. Можно ли платить такую цену за что бы то ни было? Это уж точно не от Бога.

А утратили евреи за эти века все, что характеризует народ: язык, культуру, искусство. Утратили способность развиваться вместе со всем цивилизованным миром.

Я думаю, что евреи могли сохраниться и при более гуманном образе жизни, если бы не отгораживались так от всех. И тогда, может быть, не понесли бы столько потерь и не нажили бы столько врагов. И обошлись бы без трагического ореола. Бог с ней, с этой славой. Себе дороже...

По-моему, ультраортодоксальное гетто не спасало евреев, а скорее их калечило. Почему я так думаю? Сравниваю с тем, что есть сегодня.

Во сколько раз увеличилось число евреев в Европе и Америке после выхода их из гетто? Как изменилась их жизнь и как изменились они сами?

А ультраортодоксальные общины у нас и в галуте? Как они живут сегодня? Что могут? Как выглядят? Опять в добровольном изгнании, опять в добровольном невежестве. Опять ходят строем.

Нет, не верю я, что они могут что-нибудь спасти и сохранить.

Перечитал свой «трактат» об антисемитизме. Конечно, немного наивно. Но и такое мнение «имеет место быть».

12 января 2002 года

Не садился за дневник больше трех месяцев, было не до того. Я за своими «писательскими» трудами забыл, что такое работа от звонка до звонка. Времени на свободное творчество, да и сил, остается немного. Это не значит, что я мало работал, когда был журналистом. Ничего подобного. Там волка кормят в поисках тем не только ноги, но и нередко пальцы, из которых приходится высасывать эти самые темы. А это и тяжело, и довольно противно.

В своей новой ипостаси я оценил преимущества и недостатки той и другой работы. Здесь была пыль, грязь и чужие квартиры. Но на голову никто и ничто не капало. Делай свое дело, руки заняты – голова свободна. Кончил работу – все из сердца вон.

Но главное, ради чего я пишу эти строки, несмотря на усталость, – я за эти три с небольшим месяца понял, наконец, (точнее, начал понимать), что такое «западная» жизнь. Лена продолжала работать программистом, я

стал получать твердую зарплату, которая по сравнению с теми грошами, что перепали (и то не всегда) мне раньше, кажется княжеской. И я стал меняться на глазах не только снаружи, но и внутри. Я становился «белым человеком». Оказывается, это совсем другое ощущение, когда ты покупаешь продукты в магазине, не задумываясь о цене, только краешком сознания, которое еще не привыкло к новому, чувствуя, что эта колбаса дорогая. Не в колбасе, конечно, дело, а в уверенности в том, что тебе ничего не грозит. Что не надо считать гроши и непрерывно думать о грядущей выплате квартирной ссуды...

Или можно небрежно предложить жене: «Лена, неохота заводить с кухней, бери Танюшку и поедем в кафе в Нагарию». Там мы проедали какую-то часть дневного заработка – стоило ли волноваться? (А раньше, зная, что проедаю три-четыре дня трудов и унижений, я испытывал бы кайф, схожий с тем, который получает пока еще не пойманный преступник.) И не нужно было в уме считать: хватит или не хватит денег, чтобы расплатиться?

Я осознал, что хотя всю жизнь – и в России, и здесь – я не нищенствовал, не голодал, и у меня всегда, за редкими исключениями, был необходимый минимум, – но этого чувства свободы не было. Это было другое качество жизни – не мелочиться, не считать, позволить себе. Другой уровень. Напрасно я говорил себе прежде, заходя в дом человека со стабильным высоким достатком, что разницы серьезной нет, что мы едим, пьем, живем примерно одинаково. Я врал себе. Дело было в другом: с каким чувством – трясаясь или не думая о мелочах – мы это делаем.

А мы пока получаем чуть больше средней израильской зарплаты. Что же чувствуют те (а таких много), которые получают в пять, в десять раз больше нас?

Это чувство уверенности я называю «Запад».

Именно ради этого чувства мы все эмигрировали в Израиль, в Германию, в Америку, если говорить честно. Чтобы ощутить себя «белым человеком». Мне искренне жаль, что многие из нас этого так и не почувствуют, может, даже большинство. Во всяком случае, те, кому под пятьдесят и более.

Для себя я сделал вполне определенный вывод: эмиграция в Израиль и Европу для людей от пятидесяти и до шестидесяти лет была, как правило, ошибкой. Они на 10-15 лет раньше вычеркивают себя из активной жизни. Вообще из жизни. Это примерно третья часть времени, отпущенного человеку для доказательства того, что он не зря появился на этом свете. Цены этим годам нет! И эту активную треть жизни – псу под хвост...

Мысль, конечно, далеко не свежая. Теоретически это знают все. Но иногда даже у молодого – относительно – она отзывается в душе острой болью. Так происходит со мной, когда я вижу погасшие и какие-то растерянные глаза нашего друга Лени по прозвищу «старший брат». Ему

уже слегка за пятьдесят. Бывший старший технолог завода тяжелого машиностроения. Для Израиля – самое то.

Работу он найти не может, находится в подвешенном унижительном состоянии пожилого мальчика на побегушках. Просится у хозяина, просится в битуах леуми*, везде встречает в лучшем случае сочувственные взгляды. Большую часть времени сидит на социальном пособии. Иврит – через пень-колоду. Жена его, искусствовед Лера, пристроилась в русской библиотеке при Сохнуте на несколько часов в неделю и смотрит на мужа свысока... Леня – очень типичная для страны фигура.

На месте посольств Израиля и Германии я при входе вывесил бы огромные плакаты: «Сохнут предупреждает! Эмиграция в возрасте от 50 до 60 лет опасна для нормальной жизни».

Но вернемся к нашим баранам. К таким, как я. Кто помоложе. Кто еще способен занять достойное место...

Почувствовав запах денег, я стал устраиваться на дополнительные подработки. Стал понимать легендарную активность американцев – это затягивает. Правда, пытаюсь сочетать приятное с полезным – стараюсь дежурить в центральных аппаратных, где требуется неплохая квалификация. Все же когда-то я заложил в институте хорошую базу и с самого начала курсов читал специальную литературу на английском.

Я в течение этих трех месяцев даже стал продвигаться потихоньку вверх по служебной лестнице. Правда, платили мне процентов на пятьдесят меньше, чем коренным жителям, но тут уж ничего не поделаешь. Защитная реакция аборигенов против нашествия со стороны. Чувствуете, я это уже говорю с пониманием и почти без раздражения? Что делают деньги! Хотя какие это деньги. Просто человек, уверенный в своем завтра, становится добрее. А может, у меня эйфория, и это быстро пройдет?

И дома ко мне отношение изменилось. Вместо сочувствия, которое раньше читалось в глазах моих женщин, теперь я слышал уважительный шепот: «Тс-с-с, папа устал». Хотя, видит Бог, уставал я не больше, чем раньше...

Лена предупреждала меня: не гони картину, давай хоть чуть-чуть отложим денег в банк. Я понимаю, что она права, что хоть с какой-то суммой на счету было бы легче. Но... По нашим зарплатам и жить, и откладывать не получалось. И мы молча, каждый про себя решили: давай пока хоть чуть-чуть поживем «на Западе», дальше видно будет. Тем более, не замечать того, что «Восток» наступает, даже при большом желании стало уже невозможно. Разве что закрыть глаза и заткнуть уши.

Вот и сейчас, словно отвечая на мои слова, прогудели самолеты. Пошли на Ливан. И слышу: за спиной затих внезапно телевизор, вздохнула Лена – значит, опять на экране появилась надпись «Жителям Нагарии и районов Си (это север и прилегающие к нему районы) спуститься в

* Битуах леуми – израильский институт социального обеспечения.

бомбоубежище». А может, и района Би – север, включая Акко, что еще хуже. Совсем рукой подать. Нет, Лена молчит, значит, только Си. Иначе бы опять временное военное положение, опять комиссии ООН, опять, не дай Бог, срочный милуим – военные сборы.

Да, не стоит далеко заглядывать, поживем, пока есть возможность, «на Западе». Я потому и пишу это слово в кавычках, что Запад без кавычек предполагает стабильность и уверенность всего общества, которой у нас нет и пока не предвидится.

Как обидно, ведь мог же Израиль для нас стать той страной, где жилось бы уверенно и достойно. Мы еще молоды и полны сил. И Израиль полон сил.

Мог бы, если бы с такой настойчивостью и так бескомпромиссно не стремился и в прямом и в переносном смысле «на Восток». К проигрышу.

Устал, завтра-послезавтра допишу.

16 марта 2002 года

Сглазил. Дописать свои идеи завтра-послезавтра, как я собирался, не удалось.

Вроде бы за последние восемь месяцев после столь тяжелого второго ввода-вывода «ограниченного временного контингента» войск в Ливан, стоившего всем немалых жертв, напряжение немного улеглось, и Израиль с соседями опять приступили к своему основному занятию – переговорам, которые, как обычно, никуда не вели.

Опять были созданы совместные комиссии и с Сирией, и с Ливаном, и с Европейским Союзом, три-четыре постоянно действующих с Палестиной. По-моему, уже не хватало чиновников для них...

Мы в очередной раз приняли аспирин и с интересом следили за дальнейшим бурным развитием нашей болезни, не приступая к лечению. Это было так на нас похоже! Хотя даже невежда разобрался бы в том, что, не развязав проблему Голан, покоя на севере нам не добиться.

Я бы мог похвастаться, что еще в период первого срыва переговоров с Сирией, накануне первого вывода войск из Ливана, опубликовал статью и предсказал нынешние события. Мог бы, но хвастаться нечем. Таких прозорливцев и без меня хватало. Мало оставалось в мире людей, которые бы надеялись на достижение соглашений. Каждый израильский политик начинал со слов «Я за мирные соглашения» – и затем объяснял, почему он против.

Давайте лучше я объясню, почему они против.

Забота о безопасности страны предьявляется израильянами по первому требованию. Это нечто вроде визитной карточки. Но как же часто эта забота служит прикрытием других, глубоко запрятанных мотивов – боязни, нежелания потерять то, что весь национальный лагерь и даже часть левых называют и считают важнейшими завоеваниями еврейского

государства!

Я достаточно долго живу уже в стране, чтобы понять, что еврейское большинство в первую, во вторую и в третью очередь озабочено сохранением этих «завоеваний». Внешних и внутренних.

Внешние – это завоевание территорий. Я имею в виду, прежде всего, Палестину – стремление оставить за собой те территории, где есть еврейские поселения. Затем завоевания в Сирии – под лозунгом «мир с Голанами». Большой Иерусалим с Восточным Иерусалимом вкупе и со всеми прилегающими деревнями. И всякое прочее по мелочам.

А внутренние завоевания – то, что наше еврейское большинство (я в него не вхожу) считает сохранением еврейского характера государства. Весь остальной мир называет это нарушением прав человека. Имеется в виду целая цепочка этих нарушений, когда в стране ультрарелигиозные и ортодоксы имеют узаконенные преимущества перед прочими религиозными евреями, верующие – перед неверующими, евреи – перед неевреями и так далее. Когда нет конституции, а есть «статус-кво»⁷.

Израильские евреи прекрасно понимают, что все эти «завоевания» совершенно незаконны. Для оправдания и самооправдания в ход идут и безопасность («мы маленькая страна, сирийские танки, если мы отдадим Голаны, за несколько часов смогут перейти Иордан...») или «мы маленькая страна, палестинцы без нашего контроля немедленно вооружатся и нападут на нас...»), и положения Торы. Даже развалины древних синагог – как будто это что-то объясняет или подтверждает. Древняя синагога есть и в районе Панамского канала. Ну и что?

А насчет внутренних завоеваний приведу только один пример. Как назвать то, что государство в единственный выходной день отнимает общественный транспорт у своих граждан разных национальностей и вероисповеданий в угоду кучке религиозных фанатиков? Уж во всяком случае, не демократией. (Кстати сказать, в каких странах есть только один выходной в неделю? На Кубе, в Северной Корее, где еще?..)

Я недавно задумался: почему в Израиле даже не обсуждается вопрос о вхождении страны в блок НАТО? Единственная демократия на Ближнем Востоке, находимся в окружении арабских диктатур, нам сам Бог вроде бы велел так поступить и спать спокойно. Кто бы нынче осмелился напасть извне на страну – участницу НАТО?

Но со всем набором наших «завоеваний» о НАТО и европейском сообществе и думать нечего. И еврейское большинство об этом и не думает. Оно думает о том, как бы потянуть время...

Наше большинство (не правительство, это было бы полбеда, а именно большинство) предпочитает абсурдные, недостижимые химеры супердержавы спокойному существованию в качестве маленького

7 «Статус-кво» – соглашение между государством и ортодоксальной религией, предоставляющее раввинату и раввинатским судам монопольные права в некоторых (довольно значимых) областях общественных отношений – браки, разводы, захоронения, кашрут, ограничения субботы и т. д. Задевает интересы нерелигиозных евреев и неевреев. Противоречит принципу отделения религии от государства.

государства, уважающего свои народы, соседей и решения мирового сообщества. Отчего это? Комплекс неудовлетворенного в веках тщеславия? Не могу себе этого объяснить.

Факт остается фактом – израильтяне с искренним недоумением спрашивают друг друга: с какой стати мы должны отдавать все земли, которые кровью завоевали? Где такое видано? При чем тут резолюции объединенных наций?

И это искреннее убеждение победителей, утративших чувство реальности, наталкивается на крепнущее с каждым годом сопротивление арабских соседей. Для них делом национальной чести стало не допустить, чтобы Израиль получил хоть какую-то выгоду от своих завоеваний. Не уступить ни миллиметра территории. И для тех, и для других мир отступил на второй план.

Никто не хочет идти на уступки. Израиль не собирается возвращать то, что ему формально не принадлежит, арабы не хотят уступать то, чем они давным-давно не владеют.

И еще: затянувшееся на долгие годы унижение арабских стран не могло не вызвать жажды реванша. Это надо было предвидеть... Правом сильного надо было пользоваться для мира, а не для затягивания конфронтации. С каждым годом достижение согласия становится все более трудным делом.

Надеюсь, я четко объяснил свою точку зрения на основные причины и следствия. Не уверен, что в какой-нибудь официальной публикации осмелится бы так определенно высказаться. Да здравствует ящик в письменном столе! Да здравствует фи́га в кармане!..

Исходя из этой предпосылки, легко объяснить и нынешнюю военную ситуацию на севере. Почему сорвались переговоры с Сирией? Объясняю.

Официальная версия, предназначенная для внутреннего употребления, что переговоры сорвал покойный Асад, когда потребовал выхода Сирии к Кинерету, по сути своей точно такая же полуправда, как и забота о нашей безопасности, стоящая на первом месте среди приоритетов. А правда в том, что еврейское большинство Израиля принудило лидеров двух стран разыгрывать клоунаду. Им подпевал и народ Сирии.

Сценарий клоунады очевиден. Премьер-министр Израиля обещал перед выборами решить судьбу Голан не иначе как всенародным референдумом. Но неожиданно для него и, пожалуй, для всего мира оказалось, что референдум значительным большинством, без сомнения, скажет «нет». Израильтяне решили ни при каких условиях Голаны не возвращать.

Что оставалось делать? Оба лидера вынуждены были немедленно дать задний ход, проявить показную твердость, сохранить хорошую мину при плохой игре, которая от них уже не зависела, и громко обвинить друг друга в срыве переговоров. Сирийцы поняли, что получить ничего нельзя, и

решили хотя бы морально отыграться, потребовав больше того, что когда-то потеряли.

Тут было уже не до жиру, главное было не довести дело до злосчастного референдума и народных волнений. В этом были заинтересованы оба лидера. Иначе у Сирии не осталось бы иного выхода, кроме немедленной войны. Слишком вызывающим, я бы сказал, нахальным стал бы результат референдума в Израиле по отношению к правам Сирии и решениям ООН. А войны не хочется никому, даже самым боевым и героическим генералам.

Примерно то же происходит и в переговорах с палестинцами. Там тоже народы жаждут справедливости больше всего на свете. Больше мира...

23 марта 2002 года

Продолжу.

Дальнейшее развитие событий на нашем севере не требует никакой прозорливости и никаких специальных исследований. Все было легко предсказуемо. При молодом новом лидере Сирии дела неизбежно должны были пойти повеселее.

Хизбалла по-прежнему хозяйничает на юге Ливана, ее вооружают с ног до головы. Между Сирией и Ираном замечается даже своеобразная здоровая конкуренция – кто больше подбросит ракет.

Международные силы, расположенные на новой границе в связи с нашим уходом, не могут и не хотят гоняться за Хизбаллой по всей территории южного Ливана. Это не их функция. А Ливан и раньше не мог, и сейчас не может навести там порядок. Особенно если Сирия против.

Параллельно с бесконечными заседаниями комиссий, потихоньку-полегоньку Хизбалла продолжала свое черное дело – беспокоила Израиль. Поводы для этого всегда найдутся. Сгодятся и уверения, что Израиль при отступлении прихватил небольшие участки территории Ливана. Может, и прихватил. Мне кажется, это у нас нечто вроде клептомании. И ведь прихватываем мелочевку, и очевидно, что вред многократно превышает пользу, – а остановиться не можем. А может, и не прихватил. Дело-то в Голанах! Могли быть и причины попроще. К примеру, теракт на севере, за которым следовал обмен тяжелыми ударами. Самолеты и ракеты летали туда и оттуда поверх голов в голубых беретах. Корни проблемы были, повторяю, в Голанах.

Регулярно народ сидел на севере в бомбоубежищах – в тех местах, где они были. Привычная для Израиля жизнь... Но удивительно – никто по-прежнему не спрашивал себя: ради чего? Почему?

Левые слабеющими голосами предлагали: давайте вернем то, что не наше, пусть наконец наступит покой. Но непрерывно набирающий мощь хор правых гонимых возмущался. Какой покой? Вернем, не вернем – все равно покоя не будет. Арабы понимают только силу. Надо отвечать стократ

сильнее! Только так!

Чувствовалось, что не за горами и качественные изменения. Вся история безнадежно затягивалась, и это, как некогда в Ливане и как сейчас в Палестине, было не в нашу пользу. Нужно было что-то предпринимать.

И вот все шире стало распространяться и обсуждаться мнение, что мир с Сирией надо искать у ворот Дамаска, точно так же, как кэмп-дэвидский мир с Египтом мы нашли у ворот Каира. Арабы понимают только силу!

Наше правое правительство при левом премьер-министре (у нас все необычно) под угрозой очередного коалиционного кризиса приняло решение официально предупредить Сирию о том, что Израиль возлагает на нее всю ответственность за действия Хизбаллы. Во всяком случае, инициатива исходила от нас, и мы были готовы к ее последствиям. Я сужу хотя бы по тому, что за неделю до событий была серьезная мобилизация резервистов, и я попал таким образом на Голаны. То есть мы ожидали обострения отношений с Сирией.

А затем наша авиация после очередного попадания ракет Хизбаллы в жилой дом в Кирьят-Шмоне⁸ довольно прилежно разбомбила ту часть Ливана, где были размещены и сирийские войска.

Хизбалла отыгралась вволю и продемонстрировала, что вооружений у нее с избытком. Мощный ракетный удар по всему северу до Хайфы и по скоплению войск на Голанах удивил даже нашу разведку. Мы все это видели. Мы это почувствовали на своей шкуре.

А Сирия благородно и обиженно молчала и лишила нас повода продемонстрировать мощь еврейского оружия. Зачем встречать, если есть Хизбалла? Конечно, мы Хизбалле ответили, но это было дело давно для всех привычное – насыпали соли на хвост. Досталось только мирным жителям Ливана...

Я в эти дни уже отлеживался после контузии в больнице и всеми печенками был в своих Крайотах⁹.

А на севере пытались успокоить расшатанные нервы. Неуловимая Хизбалла обстреливала ракетами теперь уже и Голаны. В остальном все было по-старому.

Обращение международной общественности к Израилю с требованием выполнить резолюцию ООН прозвучало безнадежно и неубедительно. Наш народ в ответ еще больше утвердился в позиции – не отдавать, и спустя неделю-другую в объявлениях по телевизору регулярно стала появляться еще одна зона – Джи-Голаны, жителям которой предлагалось время от времени спускаться в бомбоубежище. Но к этому быстро привыкнули. Так что если ООН решила, что обстрелы заставят евреев задуматься, то не на тех напали. «Родиной не торгуем!» – заявил лидер объединенной «русской» партии.

⁸ Кирьят-Шмоне – город на севере Израиля, на границе с Ливаном.

⁹ Крайоты – город-спутник Хайфы.

Перестрелки будут происходить не каждый день и даже не каждый месяц, точно так же, как было в районе Кирьят-Шмоне, – опыт у нас есть. Но этого хватит, чтобы жители Голан не забывали, что находятся в прифронтовой полосе.

Короче говоря, после всех пертурбаций в Израиле появилась еще одна стойкая зона вооруженного конфликта. Те, кто говорили: зачем отдавать Голаны, это самое тихое и безопасное место в Израиле, – могут, наконец, успокоиться...

Итак, Израиль (а с ним и моя семья) вернулся в обычное русло. На севере стабилизировалось положение ни мира, ни войны, и тут же внимание переключилось на Палестину: там кое-что вспухло.

Да, скучно здесь не бывает. Но писать об этом не хочется. Во-первых, это от нас дальше, и до Крайот, кроме новостей, ничего такого физического оттуда пока не долетает. Стоит ли из-за такой мелочи беспокоиться?

Иногда мне кажется, что у евреев все-таки есть врожденная потребность жить в страдательном залоге...

Все, на сегодня хватит. Устал. Своих забот выше головы. У меня дома уже давно назревает конфликт. И хотя это конфликт личный, он не менее болезнен. Об этом как-нибудь в другой раз.

На сей раз не зарекаюсь, мол, завтра-послезавтра продолжу. Не хочу опять сглазить и быть причиной серьезных международных осложнений...

30 марта 2002 года

Оказывается, моя контузия не прошла бесследно. После того, как я побеседовал в Танюшкиной школе с еврейским святым отцом, преподавателем Торы, у меня опять появился исчезнувший было тик. Но хуже всего, что я чуть не дал по физиономии этому лицемерному святоше в бороде, сюртуке и с цицитами¹⁰. А может, и зря не дал – списали бы на контузию...

Собственно, эта проблема возникла давно, сразу же после нашего приезда, в 1995 году. Танюшке было тогда семь лет, и она знать не знала до поры до времени, что она не такая, как все. Солнце, море, вкусная еда, возможность сколько хочешь гулять на улице без надзора взрослых быстро и безо всякой агитации сделали ее искренней патриоткой Израиля.

В школе с первого же класса была развернута отличная воспитательная работа. Танюшка возвращалась домой с горящими глазами и сообщала мне, что мы, евреи, самые сильные, самые умные и вообще самые-самые. Ведь правда?

Я отвечал, что правда, а сам с волнением ждал, какая реакция последует, когда она узнает, что никакие мы вовсе не евреи... Я понимал, что травма будет нешуточная, но как подготовить ребенка к этому? Доказывать, что евреи не самые умные и не самые-самые? Вроде глупо: я-

¹⁰ Цициты – особые кисти из шерстяных ниток, которые Тора предписывает привязывать к углам одежды, имеющей форму четырехугольника.

то еврей, чего ж на себя напраслину возводить? Да и антагонизм не хотел прежде времени зарождался. Думал, без меня найдутся радители... И не ошибся.

Надо признать, что Лена, русская душою и по документам, не разделяла моих волнений. Она никогда не испытывала на себе воздействие расизма. А рассказом это не передашь – нужно испытать на своей шкуре. Лена не могла всерьез поверить, что быть, к примеру, русской хуже, чем еврейкой, что сознание этого дефекта может кого-либо серьезно расстроить... Конечно, она права, но как это все объяснить ребенку? Тем более что Танюшка всегда была «папина дочка». С тех пор, как я ей прочел «Маугли» Киплинга, фраза «Мы с тобой одной крови – ты и я» стала нашим любимым паролем. Оказывается, не одной крови. Мудрые толкователи Торы и Галахи доподлинно выяснили это и даже узаконили...

Все выяснилось в третьем классе на пасху. Очень старательные раввины рекомендовали на седер-песах, проводимый ультраортодоксами в клубе по соседству с нами, не приглашать неевреев. Рекомендовали. Очень тактично.

Причина была убедительной – зачем нерелигиозным, да еще неевреям религиозный праздник? Очень тактично тот же преподаватель объяснил маленькой девочке все это. Очень тактично, получая при этом, не сомневаюсь, удовольствие. Такие люди всегда получают удовольствие от своей исключительности.

Глаза девочки были полны изумления. Помню, я тогда поспешно нашел выход из положения. Я объяснил, что есть такие отсталые дяди и тети, которые считают, что только они одни евреи. Но всерьез к ним, беднягам, относиться, мол, не стоит. Так я узаконил мерную трещину в отношении Тани к ультрарелигиозным, а заодно и к еврейской религии. Но выбора у меня не было, да и не мы первые начали.

В этом деле важно было сказать «а». Так же, как мы некогда в России, Таня с того дня стала настороженно следить за отношением к себе евреев. Знакомая картина? И вскоре выяснила, что дело не только в укутанных в плотные одежды дядях и тетях. Многие так думают. А послушав русское радио и почитав в туалете газету «Вести» (пусть редактор газеты не обижается, у нас все газеты лежат в туалете), она узнала, что эти «гои» чуть ли не первопричина всех бед Израиля.

Спорить и доказывать что-либо было бессмысленно. Трещина между нею и страной увеличивалась. Правда, объективно она была благодарна Израилю и меня обижать не хотела, но любовь... Да и какая любовь может быть без взаимности?

Последней каплей была бат-мицва¹¹, на которую тот же тактичный рав «забыл» ее пригласить. Все девочки, родившиеся в этом месяце, по традиции собирались в школьном зале на торжество.

¹¹ Бат-мицва – религиозная церемония: девочка, которой исполнилось 12 лет, считается взрослой и обязана соблюдать все заповеди Торы.

Танюшка была девушкой с характером, она объявила нам, что не этому чучелу (фу, как грубо, сказали мы) решать за нее. Оделась нарядно, и мы все пошли на праздник. Раву пришлось молча это проглотить, да и по моим глазам он понял, что так будет безопаснее...

Но с этого времени Танюшка не расставалась с английскими книгами, пошла на курсы английского языка. Я кое-что заподозрил, но возражать не мог. Незаметно для себя я тоже стал читать специальную и художественную литературу на английском. Да, должен признать, между новой родиной и старой дочерью я был морально готов выбрать... Но не мы первые начали.

Самой мудрой из нас оказалась Лена. Она, глядя на наши маневры, сказала: поживем – увидим!

Но на днях разразился настоящий скандал. Танюшка отказалась учить раздел Торы, обоснованно заявив: раз я недостаточно еврейка для батмицвы, то для молитвы тем более. Рав возмутился черной неблагодарностью этих русских и пообещал исключить ее из школы. Тут уже вступили в открытый бой личные антипатии солидного рава и девочки-подростка. Они сцепились на равных.

Вчера я был в школе. Беседа состоялась посреди пустого коридора – в это время в классах шли занятия. И уже через пять минут объяснений мой рав задал неизбежный в таких случаях вопрос: зачем ты (то есть я) приехал в Израиль? И объяснил, что мне надо было, по его мнению, ехать в другое место.

Я выдал стандартный ответ:

– Может, тебе лучше уехать отсюда? Почему мне?

– Потому что мы все настоящие евреи.

– А сколько у тебя детей? – это уже моя импровизация. Чувствую, щека начала дергаться.

– Восемь!

– Приехал я потому, что нужно же кому-нибудь вас всех кормить и защищать от арабов! Ты же в армию идти не хочешь?

Иврит – очень удобный для ругни язык. В нем напрочь отсутствуют такие атрибуты вежливости, как обращение на «вы».

Тут я увидел, что мой рав тоже задергал щекой и прошипел мне в лицо:

– А нас не надо защищать от арабов. Мы с ними жили и жить будем. Мы с ними всегда договоримся. Верящие в Бога всегда поймут друг друга. Вот с вами, светскими, с вашей техникой и с вашим распутством мы никогда не найдем общего языка. Вы для нас страшнее, чем все арабы вместе взятые...

– И этому ты учишь своих учеников?

– А тебе никто не поверит...

Я неожиданно успокоился. О чем мне было с ним толковать? Нового

я ничего не услышал. Я знал, что многие ультра так думают. Не зря это были несионистские партии. «Фундаменталисты всех стран, соединяйтесь!»

Но свою проблему нужно было решать. Я оглянулся – никого в коридоре не было, – схватил рава за лацканы и угрожающе сказал:

– Мне плевать, что ты там маракуешь. Но у меня была контузия. Неделю тому. Запомни, толстая твоя душа, если я еще раз о тебе от дочки услышу – приду и сворочу физиономию набок. Контузия все спишет. Понял? Я спрашиваю, понял?

Наверно, щека моя тряслась очень убедительно, потому что он прошептал: «Понял, понял», – и засеменял прочь. На этом наш разговор закончился. Интересно, успокоится он или будет продолжать пакостить? Мне кажется, продолжение следует...

Но нет худа без добра. Я уже давно, по зрелом размышлении, понял, что стратегическое решение Танюшки уехать из Израиля принесло и свои положительные плоды. Она не смирилась и не сломалась. Поняла, что в приличных странах Европы или в Америке нечего делать без серьезных знаний. А будучи девочкой целеустремленной – отмечаю это с законной гордостью – стала учиться с поразительной настойчивостью.

Во многих, очень многих случаях результаты влияния расизма в Израиле на детей репатриантов-неевреев прямо противоположны. Для такого мнения у меня есть серьезные основания. Еще будучи действующим журналистом, я много внимания уделял этой теме. Это трагическая тема.

Дети, которые привезены Сохнутом в течение последних пяти-шести лет, почти поголовно неевреи по Галахе, евреи только по мужской линии. То есть по израильским законам просто-напросто неевреи. Приехали они из страны, где уже нет пятой графы. Антисемитизм, конечно, там еще остался, но без этой графы он носит неконкретный характер. В конце концов, ты волен принимать или не принимать его на свой счет. Национальность нигде не записывается.

А приезжают дети в последний среди цивилизованных стран оазис, где сразу же по прибытии тебе сообщают, кто ты такой, и заносят это в документы, в компьютеры – всюду. И с этого момента возникают противоречия между репатриантами-нееврейями и израильским обществом, как это и было с моей Таней.

Если бы в основу общественной жизни были положены демократия, равноправие, ценности свободной личности, тогда все было бы нормально. Но ведь не так! Главное – это сохранение еврейского характера государства. Основные ценности – это национальные и религиозные еврейские ценности. Об этом твердят с утра и до ночи. А значит, тебе, ребенку, с утра до ночи талдычат, что ты к этим основным для страны ценностям не имеешь никакого отношения. Нынче модно повторять в масс-медиа при каждом удобном случае, что евреи – хозяева страны. А ты тогда кто такой? Лишний человек? Второй сорт? Отщепенец?

Не каждый ребенок с этим справляется без серьезных потерь. Не нужно забывать, что это все накладывается на очень непростые для детей трудности абсорбции. Даже при более благоприятных обстоятельствах, и куда более благополучных странах, раскол молодежи и общества приводит к тяжелым последствиям. Вспомним хотя бы пресловутых хиппи...

Но опасней всего раскол на почве национальной дискриминации – а это и есть обыкновенный расизм. Дети разубеждаются во всем, заражаются цинизмом и нигилизмом. Многие бросают учебу, идут на улицу. Следом нередко появляются неразлучные спутники – пьянство и наркотики. Статистика последних лет показывает многократный рост этих показателей среди детей новых репатриантов «плохой» национальности. Тут же националисты путают причину и следствие – и устраивают шабаш по поводу «хорошей» и «плохой» крови...

А самую большую активность в этом шабаше проявляют две группы населения. В первых рядах ультраортодоксальные общины, которые не скрывают, что видят в нееврейских (по их мнению) членах семей мигрантов основную заразу «гойства». И «русские» национально-патриотические объединения. Ну, эти понятно почему: они нас – там, а мы их – здесь.

Вот такая получается история.

По моим понятиям, есть три страны, где равенство национальностей и религий, соблюдение прав человека обязаны быть образцово-показательными (как жена цезаря должна быть вне подозрений), хотя и по совершенно различным причинам. Эти страны – Германия, бывший Советский Союз и Израиль.

Германия установила мировой рекорд человеконенавистничества, который вряд ли когда-нибудь будет превзойден. Здесь поставили на технический конвейер уничтожение и утилизацию целых народов.

Куда бедным папуасам, которые просто едят людей, но не сжигают их... Как жить с сознанием того, что твой народ совсем недавно был страшнее каннибалов? Но немцы покаяться, искренне стараются искупить то, что возможно. Стараются по сей день и изо всех сил. Это видно всем, хотя далеко не все могут с легкой душой даже смотреть в их сторону. Искупать еще долго придется...

Советский Союз без экстравагантных штучек, старым дедовским способом умудрился переплюнуть немцев по количеству загубленных. Благо просторы необъятные, есть где гноить и хоронить. Союз это преступление признал, но не покаяться. Мне чудится в позиции бывшего Союза такая логика: немцы убивали чужих, а мы – своих, это дело внутреннее. А поскольку мы нация гордая, то вмешиваться в свои внутренние дела никому не позволим. Я утрирую, но что-то похожее есть... И вот результат. Народы Кавказа, геноцид которых в былые времена не вызывает сомнений, опять на мушке. Где же покаяться?

Израиль я поставил в этот ряд по диаметрально противоположной

причине. Евреи много веков были неизменной жертвой расизма, неравноправия и варварства. Кому как не нам, добившись, наконец, создания своего государства, стремиться сделать его образцом справедливости по отношению ко всем гражданам?

Стоит задуматься о судьбах и позициях этих трех стран.

17 августа 2002 года

Давненько я не брал в руки шашек! Но я ведь и не собирался писать регулярно, только если появятся выдающиеся события или мысли. Пока ни того, ни другого не замечено. Были события, но вполне обычные, не из ряда вон выходящие.

Еще одна попытка достичь соглашения с Сирией кончилась не начавшись, так как делегации не дошли до стола переговоров. О чем говорить, когда позиции не меняются? Пока еврейское большинство Израиля не согласится на референдуме вернуть Голаны (а этим даже не пахнет), все переговоры с Сирией будут лишь имитацией продвижения к миру.

Сейчас на первый план вышла неразрешимая ситуация с Палестиной. Там сегодня все представители, вся пресса, да и большая часть армии.

Но, ей-богу, об этом сегодня говорить не хочется. Напишу, когда улягутся страсти.

Я перечитал свои записки и с неудовольствием обнаружил, что на каждой странице все больше о неприятном. Но что делать, если так пишется? Если Израиль все больше и больше затягивают тучи? Разве можно этого не видеть? На ум идут сочетания: ведь могло бы!.. Ведь можно же было!.. Все в сослагательном наклонении. И хотя пока все не так уж плохо, но могло бы быть значительно лучше, если бы все как следует постарались. Но самое главное, очень мешает это слово – пока.

И все же о хорошем. Мы Леной по-прежнему работаем на полную мощность, и поэтому неплохо зарабатываем. И результат налицо: две недели отпуска промели в Германии на взятой напрокат машине. Только недавно оттуда.

Были мы в Германии у своих друзей, эмигрантов из СНГ. Не буду сравнивать наши судьбы и наши страны – написано об этом много. Могу сказать только об одном, но не малом преимуществе Израиля: мы здесь никогда не чувствовали себя чужими. Никакой рав не мог всерьез убедить меня, что это только его страна. А это и хорошо, и плохо.

Почему хорошо, может понять только тот, кто живет не у себя.

Прежде всего – немедленно по приезде в Израиль я навсегда утратил специфическое чувство, которое возникает у нас в галуте при звуках слова «еврей». Реакцию эту можно определить словами: «Да, ну и что?». В Израиле «ну и что?» исчезло навсегда. И это дорогого стоит. Это самый верный и бесценный признак родины для евреев.

Плохо, потому что мне вдвойне больно и стыдно за нас, за себя, если что не так. А если много чего не так?

Что лучше: жить у себя, но трудно и опасно, или у чужих, но сытно и спокойно? Этот вечный вопрос имеет вечный ответ: лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Но в Германии есть одно преимущество, очень важное для пожилых людей, – достойное человека бесплатное жилье. Которое у репатрианта может отнять только смерть. У нас этого нет. Есть квартирные, которые квартиру не обеспечивают ни фактически, ни по количеству денег. Отсутствие надежного постоянного дома в старости – что может быть хуже?

А знаете, может быть хуже! Может. Во всяком случае, в нашем южном Средиземноморье. Летом. На раскаленной сковородке Святой земли. И это мне кажется просто ужасным, без преувеличения. Что? То, что абсолютное большинство пожилых людей, приехавших из холодной страны со своей гипертонией и стенокардией, живут в этом знойном жестоком климате без кондиционеров. Даже теоретически не могут себе этого позволить! Живут, как правило, под крышей – там квартиры дешевле и, естественно, солнца больше. Может кто-нибудь подсчитать, на сколько месяцев (или лет?) сокращает их жизнь очередное знойное лето в Израиле? Ведь даже не каждый молодой и крепкий человек в состоянии перенести эту страшную жару без ущерба для здоровья. А общество взирает на это спокойно, под шум своих кондиционеров.

Несколько лет тому назад мы уже ездили за границу. Были на экскурсии в европейской туристической мекке – в Париже и в Лондоне. И вот сейчас, четыре года спустя, я заметил, насколько там, на Западе, за это время ушли вперед по уровню жизни. Или мы отстаем? Наверно, последнее.

Это стало особенно заметно при возвращении. И главное внешнее отличие от стран Европы – грязь, к которой мы привыкли. Вдоль дорог мусор. На берегу моря свалка. Бог знает сколько не чищено. Даже на многих городских пляжах мусор почти не убирается – раньше такого не было. Сорная трава в рост человека. Много за последние годы появилось каких-то серых, давно не отремонтированных зданий, особенно в социально слабых районах. Дороги, оставляющие желать много лучшего. Города, центральные районы и районы вилл еще поддерживают приличный статус, хотя влияние времени уже чувствуется. Но сразу же на выезде картина меняется. Как у неряшливой хозяйки: посредине подметено, а в углах пыль. И проблемы с водой уже явно сказываются на благоустройстве и озеленении.

Но не только на этом.

То, что наша дождевая вода проходит сквозь толщу засоренной самыми разнообразными отходами земли, смешивается с химическими реками и нефтяными берегами, – это известно давно. Известен наш

экологический беспредел. В этом смысле можно сказать, что в нашей земле заложена вся таблица Менделеева. Нами заложена. Вот и выходит, что эта вода, отфильтровавшая всю таблицу Менделеева, оказывается в наших стаканах и наших продуктах, вопреки утверждениям официальных органов.

А чего можно требовать от страны, которая воюет, воюет, воюет?.. Иначе и быть не может, по здравом рассуждении. Природа беспредела не признает. Но что делать, если нам все время не до нее? Вот и опять выборы на носу. Палестинцы нервничают. Сирия неспокойна. Иран вооружается. До природы ли тут?

Я уже задавался вопросом: для чего все это? Точнее, из-за чего? Неубранный мусор, плохие дороги, падающий на глазах уровень жизни, что бы там ни говорила услужливая статистика. Уходит от нас капитал, пропадает работа.

И полбеда, если бы делали что-то напрасно, неумно. Если бы я просто не одобрял наши действия по этим причинам, то не брал бы на себя роль третейского судьи. (Хотя мнение бы свое оставил. Для личного пользования.) Но я не об этом. А о том, что многие наши действия я считаю не только аморальными, но и незаконными. Я категорически их не приемлю! Все во мне криком кричит, что я соучастник. Как с этим быть?

Из-за чего наш развал? Основные причины мы знаем. Воюем, воюем, воюем. Например, из-за поселений и поселенцев. А политика создания поселений под защитой израильских оккупационных войск – я полностью согласен с комиссией ООН – с самого начала являлась незаконной.

Мы не выполняем решение ООН об освобождении чужих территорий, где живут десятилетиями люди без всякого гражданства, и это тоже принять невозможно.

После победы в войне 67-го года Израиль стал единственным и полновластным хозяином на территориях Иудеи, Самарии и Газы. С тех пор палестинцы практически не могли принимать участие в обсуждении своей судьбы, хотя бы потому, что их лишили органа, которым можно что-либо говорить от имени народа.

Дело в том, что террористические организации – ООП, Хизбалла и прочие – справедливо не признавались Израилем представителями палестинского народа. Но и других официальных представителей на занятых нами территориях не появилось.

Но уж если Израиль в результате победы получил возможность говорить и решать за двоих, то тем самым он принял на себя и ответственность за судьбу палестинцев. Нужно было давным-давно каким-нибудь способом сделать ситуацию определенной. То ли автономия, то ли присоединение к Израилю, то ли признание самостоятельного государства. Решить что-нибудь! Но в действительности все эти годы бесконечно шло безрезультатное обсуждение в израильском обществе и кнессете проблемы территорий, и каждый раз приходили к выводу: не делать ничего. Ждали,

пока нарыв созреет и прорвет. В это трудно поверить, но Палестина вместе с палестинцами юридически исчезла с карты земли почти на тридцать лет. До соглашений в Осло.

Известный всему миру исламский экстремизм делает, с одной стороны, такое положение понятным и объяснимым. Но и ответственности за столь долгое бездействие с нас не снимает. Вне всякого сомнения, мы не сделали все от нас зависящее, чтобы на этой многострадальной земле наконец воцарились мир и спокойствие.

Но самое удивительное в этой ситуации, что евреи Израиля абсолютно не осознают свою долю вины перед соседями. Перед палестинцами, ливанцами, сирийскими друзьями. Ведь есть же она, эта доля? И немалая. Почему же об этом даже думать не принято? Напрочь! Какой-то удивительный случай душевной глухоты. Об этих чувствах нигде нельзя ни прочесть, ни услышать. Даже сказать об этом близким невозможно – на тебя посмотрят дикими глазами.

То, что арабские соседи тоже особо не мучаются комплексом вины, – отнюдь не оправдание для Израиля, считающего себя страной цивилизованной и демократической.

А вот экономическое преступление в особо крупных масштабах. Государство отнимает у своих же тружеников едва ли не четверть дохода и отдает их тем молодым и здоровым, кто не работает, никогда работать не будет и своих многочисленных детей этому же учит. Какая разница, какие там у них взгляды, это их личное дело...

А раз это все так, значит, я действительно соучастник? Где же граница между моей благодарностью Израилю и моей ответственностью перед ним?

Кто я в первую очередь, человек или еврей? Могут сказать, что одно не противоречит другому. В реальной израильской жизни еще как противоречит. Что является доминирующим требованием? Человек или еврей? В этом нужно отдавать себе отчет. Германия нам доказала, что означает: я немец прежде всего, и первый мой долг – перед фатерляндом.

Я не могу все ситуации рассматривать с позиции «а хорошо ли это для евреев?». Сама постановка вопроса меня коробит. Выходит, что еврей думает только о себе? Не очень привлекательная картина...

Но тут же поймал себя на мысли, что, осуждая Израиль, я невольно в первую очередь думаю о евреях, о том, что этим мы, прежде всего, губим самих себя.

Круг замкнулся.

21 декабря 2002 года

Как-то незаметно подошел предвыборный марафон. Началась предвыборная экономика. В ход пошла предвыборная политика. Сейчас все, что происходит, снабжается определением «предвыборная».

Но, в сущности, кроме ажиотажа, ничего не происходит.

Каких политических успехов мы добились за эти неполные четыре года? Что может поставить себе в заслугу нынешний премьер? За исключением вывода войск из Ливана, то же, что и предыдущий: он ничего не отдал и ничего не уступил. Но ничего и не взял. Со всеми спорными проблемами и территориями вышло по поговорке: сам не ам и другому не дам. За семь с половиной лет, что я здесь, решительно ничего не изменилось. Точно те же названия, те же ситуации. Только все хуже и запущенней, чем было. Как будто крутят одну и ту же закольцованную пленку. Содержание все то же, только качество и изображение от времени и износа ухудшаются. Цвета блекнут... И надоела она всем до смерти.

Если бы в деятельности главы правительства основным критерием была его непотопляемость, то все было бы в порядке. «Раз пятнадцать он тонул, погибал среди акул, но ни разу даже глазом не моргнул».

Начиналось все намного веселее, под девизом: «Израиль хочет перемен». Теперь это все и вспоминать неловко. Перемен так и не произошло. Но политические результаты оказались просто из рук вон.

И вот апофеоз: каирский саммит в октябре провалился вчистую. С треском. На него в последней надежде на мир приехало столько глав правительств, сколько на похороны короля Хусейна. По результатам саммита это сравнение вполне обоснованно.

Я не хочу вспоминать сейчас все последствия срыва переговоров. Слишком свежо это в памяти. Хотя наше общество и палестинцев эти ужасные события ничему не научили. Те же идеи, те же поступки. Все то же. Тот же клубок, из которого наши и палестинские лидеры с трудом растащили дерущихся...

Объективности ради следует признать, что от премьера на переговорах не много зависело. Никто в нашей стране не признал бы никаких договоров, подписанных им. В кнессете дела обстояли еще хуже, чем в правительстве. Да что там в кнессете! Среди своих знакомых я не могу обнаружить никого (ну почти никого), кто бы хотел отдать хоть что-нибудь в обмен на мир.

Все решили дожидаться новых выборов. Вот на таком фоне они должны были состояться. Таков был реальный результат почти четырехлетней деятельности правительства.

Куда мы идем? В чем наши цели? Я абсолютно не могу понять эту логику. И пытаться не хочу. Надоело.

В данном случае я не могу сказать, что каждый народ имеет лидера, которого он заслуживает. Скорее наоборот. Если бы премьеру достался другой народ, может, он чего-нибудь и добился бы.

Меня грядущие выборы загоняют просто в тупик. Добро, если бы была привычная реальность – выбирать между плохим и еще худшим. Но я не знаю, какой вариант хуже.

Оппозиция выдвинула лозунг, прямой и понятный всем и каждому: лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас. Нас убеждают, что хотя мы все время что-то отдаем, ничего в лучшую сторону не меняется. Все становится хуже и невыносимей. Наши соседи не хотят мира. Они хотят отнять у нас страну. А вывод еще проще. Это то, о чем в глубине души мечтает каждый истинный сионист. Мы официально объявляем всему миру, что нынешние границы Израиля, границы сегодняшнего дня, нерушимы, и что мы до последней капли крови будем их защищать. Все попытки нарушить наш суверенитет со стороны любых государств приведут к войне.

Больше никакой торговли, говорит оппозиция, никаких переговоров по проблемам территорий ни сейчас, ни в будущем, никаких промежуточных решений. Все решено раз и навсегда. Они нам и мы им больше ничего не должны. Иначе конца этому никогда не будет. Добиться полного согласия сторон по территориальным проблемам в принципе невозможно. Это еще никому и никогда не удавалось, всегда останутся недовольные. Надо и нам, и международному сообществу один раз набраться решительности и заявить: то, что есть сегодня, остается навсегда. Именно так и поступила когда-то конференция в Хельсинки – не стала всех мирить, зная, что это нереально, а как господь Бог сказала: «Отныне будет так!».

Но новый лидер национального лагеря, мне кажется, человек не очень сильный и авторитетный, и это смягчает буквально самоубийственный смысл его заявлений. Дойдет до дела – вряд ли он решится идти ва-банк.

А куда загонят обстоятельства нынешнего премьера – никто сказать не может. Во всяком случае, он много знает и умеет. Он много чего может сделать для сохранения власти. Прежде он все-таки старался сдерживать жажду народа принимать самоубийственные решения. Теперь, если он хочет выиграть выборы и удержаться на плаву, то должен возглавить это шествие.

Продолжать говорить одно, а делать прямо противоположное или вообще ничего не делать – этого он больше не может себе позволить. Как может премьер страны с достаточно демократическим устройством пойти против воли подавляющего большинства населения? Его просто сомнут. Да, положение у него не из легких...

Но не стоит делать из премьер-министра невинную жертву. Он тоже внес свой вклад в нынешние настроения еврейского большинства, и рыльце у него тоже в пушку. Должен был понимать, на чью мельницу лил воду, когда твердил о нашей невероятной мощи – нам нет равных на Востоке! – когда клялся не отдавать поселения, когда обещал каждому по его политическим потребностям. И этим подтолкнул еще больше вправо народ, который и без того видит не то, что есть, а то, что хочется. Известно, что народ, особенно национально возбужденный (а именно таковы евреи),

легко поддается массовому внушению и самовнушению.

По результатам всех последних опросов, такой точки зрения – ничего больше не отдавать! – придерживаются до 65 процентов еврейского населения. И национально-патриотическая тенденция усиливается день ото дня.

Да, к сожалению, все обозреватели и комментаторы не сомневаются, что, если премьер-министр хочет победить, он должен продемонстрировать огромный патриотизм и уверенность в победе. Сара мне говорила (это совпадает и с моими опасениями), что некоторые советчики предлагают ему совершить серьезную акцию устрашения на севере или в Палестине для того, чтобы поднять свой рейтинг. И это опасней всего.

Неужели он пойдет на это? Боевой генерал, порядочный человек. Не фанатик. Отдающий себе отчет, понимающий свою ответственность, неужели он сможет так поступить? Но соблазн поверить в иллюзию – победим на выборах, а потом повернем вспять, – очень силен. Ведь поддался он уже четыре года назад этому самообману. Где гарантия, что такое не повторится?

4 января 2003 года

Вот и новый год наступил. Новый год с маленькой буквы. А Новый год с большой буквы, то есть сам праздник, то есть Сильвестр, как многие европейски образовавшиеся – в смысле, образованные – репатрианты его называют... Совсем запутался. Короче, в ночь на первое января мы собрались у нас в квартире своей компанией в обычном составе.

Все в нашей компании не из богатеньких. Мы с Леной, пожалуй, в последние два года неожиданно выбились в самые зажиточные. Но тем не менее, никто из нас не любил устраивать торжества на дому. До утра потом убирать квартиру и мыть посуду – этого наши женщины не любили, поручали мужчинам. Эх, надо было жениться на еврейках, говорят, они часто посуду моют... Но проверить это мы не могли, потому что в нашей компании только Элеонора, то бишь Лера, жена «старшего брата» Лени, чистокровная еврейка, но вы сами понимаете, что женщина с таким именем и со специальностью искусствоведа посуду мыть не станет. Остальные наши жены – все несортной материал: или полукровки, или совсем нееврейки, как моя Лена.

По этой причине (я имею в виду мытье посуды, а не национальность) мы, мужчины, жалея своих дорогих подруг, предлагали то пикники, то кафе, а то и – в особых случаях – даже рестораны. Собирались иногда и дома, но только на посиделки с легкой закуской и кофе.

Поэтому мы и собирались отмечать самый любимый праздник – Новый год – традиционно вне дома, в открывшемся по соседству новом «уляме» – зале для гуляний с танцами. Там предполагалась даже концертная программа со стриптизом – кутить так кутить. Увы, все это

благополучно лопнуло и оставило по себе неприятную память – думаю, надолго.

А причиной стали наши единокровные религиозные братья, которые времени зря не тратили. И запевалой был лидер истинной веры и истинного еврейства – партия ШАС.

Всем, даже самым тупым и самым оптимистически настроенным (что, в сущности, одно и то же), давно стало понятно, что сейчас нет смысла добиваться равноправия, отмены «пятой графы», гражданских браков в стране и прочее, и прочее. Тут уж не до жиру – светская часть общества с трудом отражала наступление превосходящих сил противника. Например, в кнессете с трудом откладывают прошедший большинством голосов еще в 2000 году закон о запрещении женщинам-еврейкам совершать молитву у Стены плача. Самое удивительное, что депутаты приняли и наказание за это – семь лет тюремного заключения. В двадцать первом веке! Депутат от партии МЕРЕЦ внес дополнение: заменить тюрьму – нет, не публичным повешеньем, у нас, слава Богу, не законы шариата, а, в точном соответствии с Торой, побиванием камнями. Острота действия не произвела. Уже три года наша общественность с огромным трудом сдерживает введение этого закона.

Либеральные партии всего несколько месяцев тому назад очередной раз провалили в кнессете предложенные нашими ультра законы, которые в народе для простоты назывались «Еврей и свинина», «Еврей и кашрут», «Еврей и гойские праздники», – и были счастливы безмерно. Демократия торжествовала!

Эти проекты законов ни больше ни меньше утверждали, что любой еврей в своей стране не должен есть, пить и делать то, что ему с точки зрения ортодоксального иудаизма не положено. А чтобы это обеспечить, нужно закрыть в стране некошерные магазины, некошерные производства и рестораны. Запретить работу увеселительных заведений по субботам и в гойские праздники. Когда я об этих проектах сообщил дяде в Россию, он не поверил, но на всякий случай забрал свое заявление об эмиграции из посольства Израиля. Затем собрал остатки пенсии, купил кусок сала и напился. Так мне написала в письме тетя Лиза...

Думаю, что предложившие эти законы пока на победу и не рассчитывали. Они просто хотели, чтобы мы не расслаблялись и помнили, что все под Богом ходим. Не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле. Ведь религиозные партии в Израиле – заместники Бога на земле и в кнессете. Они ждут новой каденции. Они уверены – и все это понимают, – что уже в новой каденции любые мечты равов равицев¹² станут былью. В крайнем случае, в следующей.

Но в капиталистическом обществе, как нас когда-то учили, настоящая власть там, где деньги. И религиозные партии это очень хорошо понимают.

¹² Равиц – ультраортодоксальный раввин, ярый противник репатриации из стран СНГ.

Тут у них с премьер-министром образовался полный консенсус. Премьеру, который перед выборами обещал много чего светскому населению, было не с руки позориться введением галахических законов. Поэтому, по взаимному согласию, они пошли привычным и проторенным путем. Галахические законы пока не принимали, но каждое, то есть абсолютно каждое, без исключения, решение правительства оплачивалось наличными, буквально из кармана (нашего) в карман (истинно еврейский). Все это происходило открыто, на глазах у публики, которая с понятным чувством неловкости смотрела на этот бессовестный рэкет. За последние десятилетия к подобному привыкли. Но все-таки не до такой же степени и не в таких масштабах...

Мы действительно не представляем себе эти масштабы. Сведения о них рассредоточены в различных документах, инстанциях и сознательно засекречены, чтобы опять-таки не возбуждать население.

Сара как-то мне показывала подборку этих государственных расходов, кем-то там подсчитанных. Жаль, что времени не было как следует посмотреть. У нас с Сарой всего двенадцать минут чистого времени на общение в поезде утром по дороге на работу в Хайфу.

Я, разумеется, не запомнил эти цифры, да и зачем они мне? Я пишу для себя и ответственность чувствую только перед собой. Но кое-что произвело впечатление и врезалось в память.

Так вот, если все скрытые и явные дотации на религиозные общины просуммировать, то они окажутся ненамного меньше военных расходов. Это около 17 процентов налогов, гигантская цифра. Во столько налогоплательщику обходится содержание религиозных районов. Кстати сказать, содержание на довольно приличном уровне. Досужие разговоры об ужасной бедности ультраортодоксальных общин остаются разговорами. Где вы это видели? Я не поленился как-то и проехал еще засветло несколько таких районов. Их состояние намного лучше, на порядок лучше районов марокканской и олимовской бедноты. Не забудьте, что там, как правило, не взимаются даже местные налоги на благоустройство. За это тоже платит работающий налогоплательщик, но не государству, а непосредственно в мэрию.

Самое невероятное, что мы продолжаем удивляться! Слышим, что только 80 тысяч ешиботников¹³ освобождены от военной службы. Сообрази, что есть и остальные, и они не божьим духом питаются и не в сукках¹⁴ живут. Это только верхняя часть айсберга.

А фонды министерства религии? А фонды министерства внутренних дел, которые переводятся местным религиозным советам? А министерство строительства, которое почти все государственные дотации на жилье предназначает для ортодоксов? Это миллиардные затраты. Можете полюбоваться новым строительством в религиозных районах – дома на

¹³ Ешиботник – слушатель высшей талмудической школы.

¹⁴ Сукка – шалаш, который по традиции устанавливается рядом с домом на праздник Суккот.

продажу по очень даже льготным ценам, дешевые дома на съём, включая коттеджи. Вот она, олимовская¹⁵ мечта, ставшая религиозной явью! Это все деньги...

Далее: образование. На каждого верующего ребенка уходит раза в два больше, чем на неверующего. В каждом классе у них вдвое меньше детей, и это сразу подтверждает, что бы там ни доказывали «обиженные» деятели религиозного образования, что цифра 2 не случайна. А добавьте сюда подвозку и горячие завтраки и отнимите их же у учащихся светских школ – что получится? Между прочим, по логике вещей должно быть наоборот. Неверующего ребенка подстерегает больше опасностей. Его высшие силы не охраняют...

Далее. Ешиботное обучение до старости для всех желающих, со стипендией и даже квартирными. Сара говорит, что число ешиботников за последние пять лет удвоилось, ассигнования на них утроились. Число учащихся в обычных высших и средних учебных заведениях страны примерно в три раза меньше, чем в аналогичных религиозных, включая ешивы¹⁶ и религиозные университеты.

Что мы, интересно, строим?

Далее. Значительные специальные пособия для многодетных семей (исключительно религиозные семьи), которые могут помногу рожать, а прокормить детей не в состоянии, особенно если родители не работают, – это очень распространенный случай. В последнее время пособия для многодетных удвоились. Рожать стало выгоднее, чем работать. Учитывая массовый характер такого явления, деньги на это нужны очень даже немалые.

А многочисленные виртуальные рабочие места? Зайдите на биржу труда, там ультраортодоксов почти нет. Как они устраиваются при своей-то квалификации?

То есть уже сейчас эти прямые и косвенные затраты приближаются к расходам на оборону и вместе с ними делают нашу экономику неперспективной. Мы догадывались об этом – чудес не бывает. Но видеть это в расчетах страшновато. Там же были еще две цифры, врезавшиеся в память: за последние шесть лет дотации на религиозные общины возросли на 80 процентов, а расходы на оборону мы вынуждены (!) были сократить на 20 процентов.

Здесь к месту будет отметить, к каким невероятным вещам, противоречащим законности и порядочности, мы привыкли и даже не замечаем этого. Например, в Израиле есть министерство религии. Факт общеизвестный. Ортодоксальной еврейской религии – и это общеизвестно. Министерство одной религии, точнее, одного течения этой религии, в стране минимум трех религий. С чего это вдруг? Конечно, это министерство по долгу службы отечески взирает на остальные религии, но

¹⁵ Олим – еврей – новый репатриант.

¹⁶ Ешива – школа по изучению Торы.

деньги-то идут в одном направлении. Оно получает вполне солидные фонды из налогов. С какой стати мусульмане, христиане, друзья должны платить в виде налогов отступное этой религии, будь она даже трижды правильной? А тем более те негалахические евреи, которых она лишила еврейства? Но это частности...

В нынешнем кнессете депутаты от религиозных партий составляют немногим меньше четвертой части депутатов. По самым скромным подсчетам, в новом составе их будет больше трети. Конечно, больше. Последние три каденции они каждый раз удваивали свою численность. А после заметного роста влияния в кнессете и солидных финансовых достижений их притягательность для тех, кому плохо, – а таких с каждым днем все больше – трудно переоценить. Вечное положение «ни мира, ни войны», неуверенность в завтрашнем дне всегда являлись и являются питательным бульоном для роста религиозного фундаментализма.

В утешение оптимисты говорят, что за религиозные партии голосуют не только ортодоксы. Если это где-то и так, то временно. Какой смысл голосовать за партию – и не воспользоваться ее уникальными возможностями? Это единственные партии, куда можно обратиться за помощью, получить дешевое жилье, которое станет практически постоянным, где можно получить какой-то гарантированный уровень жизни. Там можно отдать детей в школы, где их накормят, напоят и денег не возьмут. Где – и это правда – им не позволят бросить учебу, сбежать на улицу, пить водку. И дорогого стоит возможность избавить своих детей от призыва в армию. Я не могу осуждать это желание. Мне кажется, наоборот: «рост мотивации службы в боевых частях» – это признак болезни нации. Необходимость, да, – но престижность?

Но все это не бесплатно. Дети заплатят тем, что с таким образованием и обработанной соответствующим образом психикой практически не смогут уйти из религиозных общин никогда, и дети детей тоже. Взрослые заплатят полным и безоговорочным подчинением правилам и иерархии. Всегда в толпе, всегда едины, все по команде. Государство тоже платит за это свою цену, деньгами работающих налогоплательщиков...

Учитывая реальное положение в Израиле, а особенно перспективы на будущее, от желающих вступить в армию истинной веры отбою нет. На глазах меняется демографический состав населения. Интересно, правильно ли я назвал это разделение демографическим? Наверно, правильно. Ультраортодоксы – это другой мир, другая ментальность. И другой народ. Они дальше от меня, чем француз или американец. А я – от них. Я не осуждаю их жизнь и взгляды, я просто хочу, чтоб они оставили меня в покое.

Наконец я добрался до того, с чего начал.

Благодаря дисциплине и наступательности непосредственное влияние религиозных общин на жизнь страны стало очевидным. Их количество

стало переходить в качество. На уровне кнессета пока им не давали перегибать палку – пока! Тогда они, в соответствии с историческими примерами, стали осуществлять революцию снизу. Власть не дают – ее берут.

Во многих городах число ультраортодоксов и близких к ним доходит до 30 процентов и выше, а благодаря высочайшей организованности и стопроцентному голосованию они захватывают большинство в местных советах. Сейчас их влияние на сферу обслуживания, на производство, на местную жизнь растет с каждым днем.

Иерусалим подал, как и положено столице, пример. Там число жителей религиозных районов перевалило за половину. Светские разбегаются в другие города. Но страна маленькая, далеко не убежишь.

Стало небезопасно ездить по субботам – могут проколоть шины или забросать мешочками с дерьмом (это специфическое оружие нашего ультрарелигиозного пролетариата). Участились походы против некошерных магазинов. Сейчас уже нет необходимости их громить или поджигать, во многих городах власти ультра хватает, чтобы с помощью штрафов, придинок, налогов сделать их существование невыносимым. А то и законодательно запретить.

И вот, наконец, движение за чистоту еврейского характера государства (славное название? А суть еще лучше!) объявило всеизраильский поход против празднования «гойского» Нового года под девизом «У евреев Новый год в сентябре». Говорят, что были где-то рестораны, которые отказались подчиниться и работали в ночь под Новый год. В нашем районе их не было...

Мы праздновали дома. Было неплохо. Однако «старший брат» Леня в этот вечер вошел в квартиру с остротой: «Я не знаю, о чем вы говорите, но ехать надо».

22 марта 2003 года

В Израиле сегодня наэлектризованная, предгрозовая атмосфера. Позиции сторон предельно ясны. Об этом я уже писал. Одна сторона ратует за продолжение переговоров о мире, но, правда, не решается предлагать какие-либо серьезные уступки палестинцам и Сирии, понимая непопулярность этих идей в народе. Другая сторона – национальный лагерь и все религиозное население – предлагает прекратить любые территориальные переговоры и навечно зафиксировать нынешние границы в одностороннем порядке. Чего бы нам и всем вокруг это ни стоило.

Удивительно, но левые не спрашивают, а правые не отвечают на вопрос, что делать с миллионом, а то и больше, палестинцев, которые проживают на территориях и в кольце большого Иерусалима и пока еще не являются гражданами Израиля. Это и понятно: ни те, ни другие не знают ответа на этот вопрос. Но сунув голову в песок, зад не спрячешь. Трансфер

нынче нереален, придется, хочешь не хочешь, а гражданство давать. Да-а-а...

Никто из кандидатов даже не заикнулся о том, что мы уже много лет шагаем двумя ногами одновременно по двум расходящимся дорогам. Одна дорога ведет в демократическое, процветающее современное государство, другая – в религиозное фундаменталистское государство третьего мира. Сочетать это больше невозможно, дороги расходятся все дальше, и можно только разорваться пополам. Промолчали. Побоялись. И это молчание полностью отбивает у меня охоту голосовать за кого бы то ни было.

Национальный лагерь всегда был неразрывно связан с религиозными партиями, а так называемый левый, точнее, то, что от него сегодня осталось, не может себе нынче позволить с ними ссориться. Ожидать чего-нибудь другого было бы наивно. По последним опросам, число голосующих светских граждан, которые не ждут ничего хорошего, вряд ли перевалит за 50-60 процентов. А большинство арабских жителей вообще бойкотируют выборы. Обозреватели предполагают, что на этих выборах религиозные и близкие им избиратели, учитывая их высочайшую дисциплину, а также явную апатию и разочарование всех прочих, составят немногим меньше половины еврейского электората. Там, где мы, сказал лидер партии ШАС, – там победа!

Все комментаторы признали, что не слишком «патриотическая» программа уменьшает и без того слабые шансы премьера. Обсуждались различные мотивы такого поворота событий. Но что удивительно – никто не высказывал мысли, что премьер пошел на это просто по голосу совести, не захотел брать грех на душу. Может быть, реальной дороги он не видит, а в то, что народ на аркане и обманом можно в рай затащить, после прошлой каденции уже не верит. Убедился на собственном примере.

Может, они правы? А я действительно не понимаю израильской ментальности, и такого с нашим политиком просто не может произойти?

И все-таки я иду дальше. Я считаю, как и все обозреватели, что шансов у него почти нет. Он, по-моему, просто умывает руки, предвидя ситуацию, и, повторяю, не хочет брать грех на душу.

Я уже говорил о предгрозовом ощущении в стране. Это очень точное сравнение. В общественной жизни наступило даже затишье, как бывает перед бурей. В отличие от предыдущих выборов, митинги и демонстрации проходили вяло и без привычных скандалов. Плакатчики на дорогах большую часть времени сидели на солнышке и пили пиво и кока-колу. Даже неистовые поселенцы не каждый день слонялись по стране. Все было предопределено, и народ с большей тревогой думал о том, что будет после выборов, чем о результатах голосования.

Одно очевидно: нынешние выборы – это водораздел. После них произойдут быстрые и нарастающие во времени изменения. В какую-то сторону мы повернем. Куда?

29 марта 2003 года

Вчера меня послали работать в арабскую деревню. Послали только потому, что все арабские рабочие были в разгоне. То бишь на других участках. И я неожиданно для себя сообразил, что никогда до этого не был в этих не столь отдаленных местах. (Имею в виду, разумеется, деревни наших, израильских арабов.) Проезжал на машине по шоссе, останавливался иногда, чтобы что-нибудь купить или заправиться. Да на экскурсии ходил с группой по святым местам. Вот, пожалуй, и все. На этот раз, учитывая предвыборную ситуацию и стоящую на пороге массовую арабскую алию, я с особой внимательностью оглядывался по сторонам. Конечно, богатства вокруг я не обнаружил. И бедности тоже особой не было. Но задумался я о другом.

В Израиле так сложилось, что наши арабы свободно ездят и ходят по всей стране днем и ночью. Но точно так же традиционно евреи десятилетиями не заглядывают в их деревни даже днем. Только по трассам, в торговые центры или рестораны. И, конечно, при свете. Даже городские арабские районы вечером и ночью не посещаются евреями. Почему? Не знаю. Во-первых, каждый скажет: зачем мне это нужно? Но прежде всего – опасаются.

Полицейские нечасто беспокоят арабские деревни и даже городские районы. Сара говорит, что и налоговая инспекция снимает едва ли половину налогов в арабских фирмах, особенно маленьких, из сферы обслуживания. Там дела часто делаются по принципу вась-вась. Я и сам там ремонтировал машину как-то – платил наличными и без квитанций. У них зачастую свои законы, свои отношения друг с другом и с государством. Полоса отчуждения. И дело тут не только в ментальности или религии. Хотя и в этом тоже.

Я сегодня специально устроил опрос знакомых на эту тему. Никто в этих деревнях никогда не был, а в арабских городских районах вечером и ночью – только транзитом. Или в магазин по субботам.

Ничего страшного я в этом пока не вижу. Пока.

А к чему тогда все это записываю по свежим следам? Можно догадаться. Даже наши арабские территории практически не совсем наши. Не очень для нас комфортны. Что же говорить о палестинских? Что будет, когда каждое наше поселение приведет за собой в страну несколько соседних арабских деревень и вдобавок дополнительную полосу отчуждения?

Сегодня утром я обсуждал эту проблему в поезде с Сарой. Насколько хватило времени, она мне попыталась объяснить (и откуда она все на свете знает? При такой привлекательной внешности...), как это выглядит с точки зрения демографической статистики. Оказывается, если я ничего не перепутал, с точки зрения этой науки имеется некоторая критическая масса

национального меньшинства, при превышении которой начинается своеобразная цепная реакция. Ускорение процесса. Как в атомной бомбе. Эта критическая масса зависит от рождаемости в малом народе и, разумеется, в большом тоже, от стойкости менталитета и его особенностей и т. д. Но дело не только в этом. С увеличением процента национального меньшинства увеличивается притягательность страны для их зарубежных соплеменников, которые тянутся сюда, прибегая к бракам и разным прочим правдам и неправдам. Резко увеличивается влияние меньшинства, деформирующее обычаи и традиции основного населения страны. Словом, для конкретного случая наших арабов сегодня эта критическая масса – около миллиона человек. Сегодня их примерно столько и есть. А если победят правые и осуществят свои планы, то их станет минимум в два раза больше. Куда вы нас толкаете, мудрецы из национального лагеря?

Надо бы спросить у Сары, относится ли это к ультраортодоксальным общинам? Особенно с учетом их наступательности.

17 мая 2003 года

Выборы закончились победой национального лагеря. Это никого не удивило – удивило, что с незначительным перевесом. Все-таки многие поняли, что шутят с огнем, и что это был последний шанс выбраться из засасывающей трясины. Даже еврейское большинство проголосовало далеко не так воинственно, как это следовало из опросов. Эх, если бы арабское население не было таким пассивным... Но какой смысл сокрушаться? Решение принято.

Если трезво смотреть на результаты, то даже при победе теперь уже бывшего премьера все равно была бы патовая ситуация – в кнессете по-прежнему большинство за правыми партиями. Но хуже всего, что в одном отношении прогнозы оказались правильными. В самом опасном. Религиозные партии получили 44 (!) места в парламенте. Партию ШАС сейчас представляют 29 депутатов – это самая крупная партия Израиля! Знаменательно, что за них голосовали даже крайние арабские исламские группировки. Воистину – фундаменталисты всех стран, соединяйтесь! Приложила руку к этому и наша алия. Сара утверждает (а у нее всегда есть основания для серьезных утверждений), что наши соотечественники с Кавказа и из Средней Азии проголосовали за ШАС.

Особо подчеркиваю и с глубоким прискорбием сообщаю, что уже не в первый раз решили дело репатрианты из СНГ. Большинство из нас отдали голоса лидеру национального лагеря и объединенной «русской» партии, которая гордо заявляла, что правее ее только стенка. Кроме тех, кто, как я говорил, голосовали за ШАС. Значит, мало нас «там» били, хотим здесь свое дополучить...

Мои интонации вполне отражают настроение. Настроение просто ужасное. Танюшке еще учиться и учиться. Не жду ничего хорошего.

Слушал вчера BBC и CNN. У них настроение ненамного лучше моего. Решительно все комментаторы сходятся в том, что на Ближнем Востоке назрел нарыв, и следует ждать серьезных осложнений.

Этот нарыв вчера выступал с речами на площади Царей Израилевых и бряцал оружием.

Поглядим, чем дело кончится.

27 сентября 2003 года

Долго не возвращался к запискам, набирался сил. Да и события так часто сменяли друг друга, что мои ожидания – пусть установится, стабилизируется, потом напишу, – оказались утопичными. Не успевало устояться одно – наваливалось следующее.

Создание коалиции и правительства, вопреки обыкновению, не вызывало ни малейшего интереса. Сорок четыре марширующих в ногу депутата от религиозных партий – вот вам и коалиция. Осталось добавить всего ничего – остатки Ликуда, немного крайних правых и объединенную русскую партию. Это было значительное большинство. «Йотер ми дай» – больше, чем нужно, как говорят на иврите.

Нового премьер-министра нельзя назвать харизматическим лидером. Да это и ни к чему – нынешнее большинство настолько едино в своих стремлениях, что не нуждается в объединяющем начале. Светская часть национального лагеря всегда тяготела к историческим национальным еврейским ценностям и считала их основой религиозные традиции. В свою очередь, ортодоксальная религия признает необходимость освоения территорий, а религиозные сионисты вообще являются самыми активными и даже агрессивными сторонниками Единого Израиля¹⁷. Поэтому очень органично религиозные и поддерживающие их светские партии национального лагеря обменялись рядом законов, в которых они были заинтересованы. Для коалиционного большинства это сложности не представляло.

И первое, что сделал национальный лагерь, – принял значительным большинством закон об аннексии всех территорий, находящихся в настоящее время под контролем Израиля. Для большей надежности правительству запретили вести любые переговоры о территориальных уступках без решения кнессета. Для такого разрешения отныне потребуется квалифицированное большинство – не менее 61 голоса. На ближайшие полвека такое большинство не собрать...

В качестве уступки международному общественному мнению было решено всем палестинцам, проживающим на этих присоединенных территориях, выдать временный вид на жительство (грин-карт) сроком на 10 лет с последующим вручением гражданства. Сколько у нас появилось таких новых граждан, пока не объявлено, но специалисты говорят – около

¹⁷Единый Израиль – сионистская идея о создании еврейского государства на всей территории Палестины и Голанских высот.

полутора миллионов.

До выборов большинство считало, что если ничего не произойдет, то власть религиозных партий – власть Галахи – наступит только в следующей каденции. Мы были оптимистами. С либералами это часто бывает.

Но все произошло на каденцию раньше. На мой взгляд, это не принципиально. К тому дело шло. Чуть раньше, чуть позже...

Теперь коалиции надо было законодательно оформить права нового гегемона – класса? сектора? – нет, лучше обобщенно – электората религиозных партий. Это было сделано незамедлительно и без каких-либо реверансов. Дело в том, что религиозные деятели никогда особенно не считались с желаниями всех прочих слоев населения. Они всегда шли напролом, как танк. И, по большому счету, не слишком заботились о судьбе государства в целом. Для них религия была важнее всего. Многие из них вообще с трудом мирились с еврейским государством.

И получив реальную власть, они стали крушить направо и налево. Мало кто в этом сомневался. Призывы левых к благоразумию не действовали. Тем более, что (я уже упоминал об этом) многие из национального лагеря сочувствовали такому подходу.

Был запущен в производство целый комплект законов, который среди светских жителей получил название «Галахический комплекс».

В предварительном и в первом чтении были приняты пресловутые законы, о которых я писал. Отныне в Израиле вообще не будет ничего некошерного, в наш единственный выходной день в неделю наступит полный покой, ничего не будет работать и двигаться. Ну а «гойские» праздники подвергнутся остракизму.

Но религиозные партии не могли остановиться на этом. Последние десять лет их покой и сон смущало нашествие «гоев», приехавших в Израиль по Закону о возвращении. Сколько было митингов и демонстраций, сколько гневных и обличительных речей! Я долго старался подобрать какое-нибудь мягкое определение их отношения к эмигрантам – неевреям по Галахе или просто неевреям, членам еврейских семей, но так и не нашел. Не подобрал.

В нынешней ситуации они просто не могли не исполнить свою заветную мечту...

Отрезали в Законе о возвращении не только внуков евреев – к этой мысли нас уже давно приучали, – но и любых негалахических евреев, если их не привез кто-нибудь галахический. И правильно! Нееврей – он и в Африке нееврей. Ортодоксальный иудаизм полутонов не признает – либо черное, либо белое. Если человек не еврей, то зачем, спрашивается, его приглашать в Израиль? На этом иммиграция канула в Лету, ибо живых документально узаконенных евреев в мире уже практически не осталось, а ортодоксальных религиозных со справками раввинов вне Израиля всегда

было ничтожное количество.

Но самым главным для этих партий всегда были деньги. Жить-то надо, а других способов их добывать, кроме как получать дотации от государства, большинство правящего электората не знало. «Для чего создавали еврейское государство? Для того чтобы евреи могли вести еврейский образ жизни». Вот такой силлогизм часто можно было услышать. А так как качественный религиозный образ жизни и качественную работу сочетать практически невозможно, то деньги приходилось добывать у не столь традиционной части общества.

До настоящего времени деньги переводились религиозному электорату различными, чаще полузаконными способами. Об этом я уже говорил. Пора было фактическое положение вещей узаконить юридически. Так когда-то произошло со службой ультраортодоксов в армии. Фактически они в армии не служили. Освободиться же от службы по неписаному «статус-кво» должны были только учащиеся ешив. Поэтому приходилось все время выкручиваться, доставать фиктивные справки, создавать фиктивные ешивы, доставлять себе и другим массу хлопот. Общество возмущалось, но безрезультатно. А о воинской службе религиозных девушек и речи быть не могло. Правда, большинство из них ко времени призыва уже были замужем – для ультрарелигиозных общин характерны традиционно ранние браки.

Комиссия под руководством ультрарелигиозного судьи Таля еще в 2000 году предложила оформить де-юре то, что было де-факто. Таль доказывал, что ни по своим физическим кондициям, ни по характеру знаний и образу жизни ультраортодоксальные молодые люди не могут принести реальной пользы армии. А хлопот доставят много, ибо специфических требований у них хоть отбавляй. (Интересно, а где они, в таком случае, могут принести пользу?) Закон был принят.

По этому же проторенному пути пошли и сейчас. Проблему официального жизнеобеспечения граждан, строго соблюдающих ортодоксальные традиции, решили довольно просто. Еще несколько лет назад в Израиле было принято положение, позаимствованное из опыта других стран. Если безработный не мог нигде устроиться, его обеспечивали социальным пособием и направляли на общественные работы – уборку мусора, обслуживание престарелых и больных и т. п.

Оставалось только приравнять изучение Торы и Галахи к общественным работам – и дело было сделано. Теперь любой изучающий Тору со справкой раввина имел право на социальное пособие. Этот закон дал одновременно мощный толчок развитию сети курсов по изучению Торы с соответствующим высокооплачиваемым педагогическим составом.

Разумеется, это не означало, что иссякли остальные явные и неявные дотации. Перефразируя известную поговорку, тому платят, кто музыку заказывает. А музыку отныне заказывают религиозные партии.

Но с точки зрения религиозного истеблишмента было бы крайне несправедливо, чтобы те, кто сохраняет святыне для Израиля древние еврейские традиции и ведет очень даже нелегкий религиозный образ жизни, не имели в нашей стране преимущества перед теми, кто живет как ему заблагорассудится, во грехе, в свое удовольствие. В конце концов, это еврейское государство или «государство для всех»? И появилось постановление правительства «О мерах по сохранению еврейского характера государства».

«Правительство национального лагеря считает своей обязанностью всемерно поощрять традиционный еврейский образ жизни, который сохранил наш народ за многие века», – так задушевно начинался этот документ. А дальше не столь торжественно государственные организации и предприятия обязывались отдавать предпочтение при приеме на работу уже упомянутым гражданам с уже упомянутыми справками раввина. В дополнение к этим правилам по настоянию правого национального крыла (куда входила и «русская партия») была включена рекомендация – только рекомендация! – оказывать такое же предпочтение лицам еврейской национальности. Это уже откровенная борьба за расовую чистоту...

На возмущенные вопли «старшего брата» Лени и ему подобных я вслух или мысленно отвечал: «Ты почему в истерике? Разве раньше ультраортодоксальные общины могли прокормить себя? Что в этом принципиально нового? А сколько лет в Израиле нет браков для неевреев? Сколько лет во всех анкетах и удостоверениях стоит «пятая графа», которая делит законных граждан Израиля на две категории – евреев и неевреев? Так и пишется: либо «еврей», либо неизвестно кто – «ло рошум». Ты думаешь, принимающий на работу этого раньше не видел? Сколько лет не исчезают, а усугубляются проблемы захоронения еврейских неевреев? А может, не было поджогов некошерных магазинов? Не было решений местных советов об их запрете в черте города? Или не было запретов для всех и на все, включая общественный транспорт, в субботу? Так ли много изменилось? Ты разве не понимал, что крепнет власть Галахи, когда с каждым выборами религиозные партии удваивали свои ряды и утраивали свои доходы? Где ты был раньше? Голосовал за «русские партии», которые с ними до конца? Ты у нас большой патриот. Тебя больше интересовали территории для поселенцев. Теперь молчи. Карты сданы».

Этим просто последовательно завершилась давно начатая принципиальная линия. Теперь окончательно и законодательно оформилась цепочка неравноправия, когда ортодоксальные и ультраортодоксальные религиозные общины имеют преимущества перед прогрессивными и консервативными течениями, когда все религиозные евреи имеют преимущество перед нерелигиозными, ну а евреи вообще – перед всем прочим населением.

Впрочем, это было и раньше, но не в таком явном виде.

Все это для страны, считающей себя по-прежнему единственной демократией на Ближнем Востоке, до нелепости пошло. Пошло. Другого слова я подобрать не могу.

Последний завершающий штрих национального характера государства в понимании национального лагеря.

В этой ситуации только одно обнадеживает, и то не слишком. Международные правозащитные организации обратились к парламентам «большой восьмерки» с предложением: предупредить Израиль, что если будут приняты расистские законы, то правительства этих стран официально признают факт дискриминации нееврейского населения в Израиле и выделяют квоту для принятия политических беженцев. Такое предложение официально подтвердили правительства США, Канады, Германии и Голландии.

Лена с Таней подали заявление в посольство США, не дожидаясь очевидного результата. И вписали туда меня. Я отмалчиваюсь...

4 апреля 2004 года

Подсчитали результаты всенародного референдума по проблемам территорий. Народ значительным большинством поддержал предложение своего правительства – брать находящиеся сегодня под нашим суверенитетом территории со всеми, кто там проживает.

Нас даже не смутило, что по переписи численность арабского населения на «присоединенных территориях» составила четыре миллиона четыреста тысяч человек, а поселенцев – всего 285 тысяч. Один к пятнадцати. Может быть, МВД при проверке немножко сократит число новых граждан... Кстати, на сегодня выдача временных документов практически закончилась. Это по масштабам оказалось похлеще «большой алии». А вы помните, как изменилось лицо Израиля за один 1990 год?

Немедленно же началась диффузия арабов из зоны присоединенных территорий. За примером далеко ходить не нужно: в маленьком домике, не из новых, прямо напротив меня поселились две арабские семьи с десятком, наверно, детей. Разумеется, десяток – на две семьи, но и это немало. Мужчины работают на стройке, ведут себя тихо. Я не об этом. А о том, что база, с которой сегодня начинает арабское население Израиля, – без малого два с половиной миллиона человек. А рождаемость – пять-шесть детей в семье.

Религиозных ультра и ортодоксальных евреев, живущих строго по законам Галахи, в Израиле меньше. Сами они утверждают, что их число приближается к двум миллионам. Больших и маленьких. Преувеличивают, но не слишком. А если учитывать тех, кто морально и фактически уже созрел для такой жизни, то почти не преувеличивают. Это их начальная база. А в семьях по шесть-девять детей.

В сумме эти две группы уже сегодня составляют больше половины

населения страны. Да еще следует учесть очень высокую рождаемость. Вот что принципиально нового в сегодняшнем Израиле.

Я объединяю эти две группы, точнее – ультраортодоксов и большую часть арабского населения. Почему? Во-первых, эти две группы – противники современного демократического еврейского государства Израиль. Хотя и по различным причинам. Одна группа – противник современного и демократического государства, другая – еврейского. Противники того государства, о котором мечтали Герцль и Жаботинский. И на которое надеялся я вместе с ними.

Кроме того, с моей точки зрения, у этих групп много общего. Во-первых, обе они для Израиля недостаточно гражданские общины. Их молодежь не призывается в армию, их члены держатся особняком, общаются большей частью только со своими. Каждое из них вполне можно назвать обществом закрытого типа. С обеими группами у государства неполный контакт. Не только у государства – у простых смертных контакт и того хуже.

Я твердо уверен, что жить в стране, где эти две группы населения составляют большинство и пишут законы, просто не могу. Я ехал в другую страну. Я вполне понимаю, что у них свой особый менталитет, и они имеют на него право. Но ведь и у меня он есть, и я тоже на него имею право. Что же делать, если эти менталитеты несовместимы в обыденной практической жизни?

И вот что еще объединяет эти две группы населения. Палестинские арабы тоже обречены на бедность. Глава семьи, он же кормилец, который чаще всего звезд с неба не хватает, один на кучу неработающих голодных ртов – это тоже традиция. При таком укладе они могут быть богатыми, только если фонтан нефти забьет из земли. А почему я употребил слово «тоже»? Потому что такая же картина в ультраортодоксальных семьях, разве что вдобавок ко всему с основным тружеником-кормильцем частенько не все ладится. А на фонтан нефти при вошедшем в поговорку «еврейском счастье» пока рассчитывать не будем.

Помню, я удивился, когда увидел на улицах Лондона женщин в парандже. Но разница в том, что сменится поколение, и они в Лондоне эту паранджу снимут. У нас тенденция обратная. И то, что к Галахе добавляется шариат, отнюдь не утешает.

Да, я не поехал бы в Саудовскую Аравию или Иран, даже если бы там жили одни евреи. Да, меня очень пугают эти цифры и эти факты. Смириться с этим я не могу.

На сей раз перспектива в Израиле определилась надолго. Рискну сказать, что навсегда. Мало шансов что-нибудь кардинально изменить.

По отношению к внешнему миру мы последними решениями о прекращении любых территориальных переговоров как минимум лет на

десять продлили состояние непрерывных междоусобиц. А страна, которая десятилетиями воюет на всех границах, держит в состоянии непрерывной готовности непосильную для бюджета армию, в состоянии непрерывного напряжения (взорвется все к чертям или не взорвется?) держит своих производителей и инвесторов, – такая страна не может не разваливаться политически и экономически. И не так уж важно, кто больше виноват – мы или наши соседи, – важен сам факт. Кто-то должен быть умнее. Здравый смысл и амбиции несовместимы.

Но еще хуже (правда, это снова взгляд со своей колокольни), что в нашем обществе уже появились победившие и проигравшие. Проигравшим я считаю светское и умеренно религиозное еврейское отныне уже меньшинство, которое бы хотело жить в маленькой моно-, точнее, почти мононациональной современной демократической миролюбивой еврейской стране. Это меньшинство не имеет практически никакой политической власти. Но должно выполнять все обязанности, предписанные победителями, – служить в армии, нести основное налоговое бремя и многое другое.

Понимая, что ситуация вряд ли изменится, и не имея возможности влиять на происходящее, это меньшинство неизбежно начнет покидать потихоньку поле боя. Уже покидает. Давно покидает. Было бы куда.

Бесперспективность отрезвляет лучше любой идеологии.

А как же ответы на два русских вопроса – кто виноват и что делать? Вот мои варианты.

Кто виноват? Конечно же, мы все. Мы не доказали, что заслужили право иметь свое государство. Дважды история предоставила нам возможность, а такое нечасто бывает.

Нам не удалось защитить свою страну от тех своих же, кто хочет восстановить в Израиле наше трагическое прошлое и сохранить героическое настоящее. Вместо счастливой жизни на исторической родине.

Но самое активное участие в разрушении храма государства Израиль приняли ортодоксальные религиозные общины под руководством своих неутомимых лидеров – ультраортодоксов. И не только потому, что стали непосильной ношей для экономики государства. Я вспоминаю слова Таниного преподавателя Торы: «Вы для нас страшнее любых арабов. Верящие в Бога всегда поймут друг друга».

Из двух возможных партнеров – демократии и прогресса или ислама – ортодоксы не колеблясь выбрали последнее. И не без оснований. Они прекрасно помнили, что соперничество с европейской и североамериканской цивилизацией в прошлом веке для них кончилось печально – привело к почти полному исчезновению ортодоксальных общин в этих странах. Остались они, по существу, только на Востоке, в Африке и в джунглях Южной Америки.

Как эти общины возродились из небытия и заняли доминирующее

положение в молодом государстве, – объяснить не могу.

Не случайно, несмотря на то, что многие из них были и остаются противниками еврейского государства, они все поголовно были сторонниками Великого Израиля и подталкивали ура-патриотическую часть общества к территориальным захватам. Именно потому, что эти идеи – еврейского государства и Великого Израиля на всей территории арабской Палестины – исключают друг друга.

Они приложили максимум усилий для создания таких условий и законов, которые препятствовали притоку алии и в то же время способствовали эмиграции светских и умеренно религиозных евреев – без преувеличения, основной движущей силы прогресса в нашей стране. Может ли быть большим вред для современного Израиля?

Я обратил внимание, что эти мои рассуждения явно перекликаются с размышлениями в начале записок на тему «кому это выгодно». Уверен, это не последний вклад ортодоксального иудаизма и его лидеров в «еврейское счастье».

Виноваты в наших бедах отчасти и сторонники «современного сионизма», которые так и не смогли понять, что после появления сильного еврейского государства и сильной армии любое освоение «новых земель» является обыкновенной экспансией – независимо от объяснений и мотивировок.

Приложила руку и «русская» алия. Думаю, что в массе своей она привезла с собой провинциальность и «реваншизм». Под реваншизмом я подразумеваю желание расплатиться за все многовековые унижения в России, на Украине, в Польше, Литве, Германии, Испании и еще Бог знает где. Доказать, что и мы не лыком шиты. Для этого, мол, у нас и появилось государство. А вовсе не для того, чтобы жить спокойно, скромно и с достатком. Вот это и есть провинциальность. И реваншизм.

Причин еще много.

А вот на второй вопрос – что делать? – ответа у меня нет. Поздно. Раньше надо было думать.

30 апреля 2023 года

Сейчас начало 5784 года по еврейскому летоисчислению. Но этот календарь не появится больше официально ни в каком царстве, ни в каком государстве. Только раввины будут по-прежнему сообщать эти даты молящимся. В эти дни в Иерусалиме в кнессете решается вопрос, какое государство будет на месте Израиля и как оно будет называться.

Мы с Сарой сидим в самолете, совершающем рейс Бен-Гурион – Лос-Анджелес, и возвращаемся домой. У меня на коленях мой портативный компьютер, и я с волнением читаю и перечитываю «Записки в стол», вернувшись ко мне благодаря незабвенному Лене по прозвищу «старший брат», пусть земля ему будет пухом. Он был для меня воистину старшим

братом. После нашего с Сарой переезда в США почти четырнадцать лет назад Леня сохранил на память кучу мелочей, которые остались в моей квартире. Среди них была и дискета с «Записками». Ее мне передал Ленин сын, солидный человек (как время летит!) с пейсами и в кипе, преподаватель компьютерных проповедей в ешиве.

Прилетали мы в пока еще Израиль, разумеется, не для того, чтобы участвовать в решении вопроса, каким государство станет отныне. У нас был свой печальный повод. Мы приехали на семь дней после смерти дорогого Лени.

Не скрою, что события в кнессете для меня и для Сары тоже трагедия. Они подвели официальную черту под пятнадцатью самыми активными в жизни человека годами – от 33 до 48, которые я прожил в Израиле. Официально подтвердили, что никаких результатов ни для себя, ни для государства за это время я не добился.

Так и тянет написать шаблонную фразу: я перечитываю записки, и у меня перед глазами проходят картины прошлого. И действительно перечитываю, и действительно проходят! И сегодня подвожу итог пройденному.

Лена с Таней уехали примерно через год после финальной записи в дневнике. Виза для меня тоже, конечно, была получена, но я колебался. Не был уверен, что это достойно – уехать из страны в такое тяжелое время. Хотя понимал, что и оставаться бессмысленно.

В какой-то степени сыграло роль и охлаждение Лены. Ее можно понять. Терпеливая и не капризная, она, тем не менее, была сыта Израилем, его реальными и надуманными проблемами по горло. Невольно это сказалось и на отношении ко мне.

Честно признаюсь, не знаю, какое бы решение я принял, если бы, как это часто бывает, не вмешалось провидение в лице государства.

В это время миграция граждан Израиля, причем именно тех, кто должен был служить в армии, стала приобретать угрожающий размах. Как правило, это были молодые сабры¹⁸, имевшие преимущество денег, связей и возможностей.

Немалую, хотя и не ведущую роль в этом движении играли и смешанные семьи, которые пользовались квотой на прием политических беженцев. Все было, как некогда в России, но с точностью до наоборот: на этот раз один нееврейский «локомотив» увозил в эмиграцию по несколько евреев. Вся наша компания постепенно, по частям стала исчезать из страны – наши жены ведь были «неарийки». Только у Лени семья была чистокровной. Они одни в Израиле и остались.

А когда вспыхнули серьезные стычки на границах с Сирией и Палестиной, грозившие перерасти в войну, правительство издало

¹⁸ Сабр – еврей, родившийся в Израиле.

чрезвычайный указ о временном запрете выезда за границу для военнообязанных еврейской национальности, включая запас первой категории. Это относилось ко мне.

Итак, мои уехали, я остался.

Они уехали как раз вовремя, буквально за месяц до знаменитого Большого ближневосточного кризиса. В нем в числе наших почетных противников участвовали почти все арабские страны. Я, к сожалению, попал в эпицентр этой заварушки, и как мне удалось выбраться оттуда целым и невредимым – до сих пор понять не могу.

Одно обнадеживало: мы жили на Востоке, где активные войны не в моде. Если европейцы или американцы не вмешиваются... В наши события они не вмешивались.

И действительно, уже через три-четыре месяца после столь активного начала болезнь приняла хроническую форму. Следующие восемь лет продолжалась изнурительная вялотекущая то ли война, то ли конфронтация. Единственным осязаемым результатом ее было то, что неуклонно разрушалось хозяйство всех четырех участников – наше, Сирии, Палестины и Ливана. Конечно же, были жертвы, но жертвы настолько очевидно напрасные, что кроме естественной жалости все испытывали перед ними чувство жгучего стыда. Так было когда-то в Ливане...

Как-то незаметно энтузиазм иссяк, и все исподволь стали ожидать неизбежного – выдачи постоянных паспортов вместо вида на жительство присоединенным арабам и их потомству, понимая, что с появлением арабского большинства в стране все само изменится и нечего огород городить. Дольше ждали окончательного решения. По меньшей мере, с 67-го года.

Перестрелки постепенно сошли на нет – нашим соседям стало почти невозможно не попасть в арабов на территории Израиля. Таким образом, у нас отпал повод отвечать.

Религиозные партии с блеском воспользовались последней возможностью, чтобы упрочить влияние Галахи, благо светские прекратили сопротивление и покидали поле боя. Мне тоже больше делать было нечего.

Лена прислала мне развод. Она нашла хорошего человека и уехала с ним в Россию. Слава Богу, она, кажется, счастлива.

В это же время Сара развелась со своим ультраортодоксальным раввином американско-польского происхождения (вот такая география...). Их развели легко. Сарина бездетность для ультраортодоксальной семьи была большой проблемой. Но эта же бездетность позволила Саре с блеском окончить и изучить все, что только возможно. Четырнадцать лет тому назад мы поженились и отбыли в Лос-Анджелес, воспользовавшись ее американским гражданством. И поселились недалеко от Тани, успевшей обзавестись почти одновременно мужем и дочкой.

Все эти годы в Штатах я старался не прислушиваться к тому, что

происходило в Израиле. Это причиняло мне почти физическую боль. Впору было идти к психотерапевту... Краем уха я слышал, что отдали Сирии Голаны. Разрешили воссоединение семей и частичное возвращение палестинских беженцев – готовились к ожидающемуся арабскому большинству. Неудивительно, что наступило оно раньше, чем предполагали. По-моему, года четыре тому. Я не следил за этим... Только покойный Леня снабжал меня в письмах информацией. Но и эта связь оборвалась. Зато после нынешней поездки я куда как информирован.

Я теперь знаю, что, по последним сведениям, в стране пять с половиной миллионов арабов и примерно четыре с половиной миллиона евреев. Настоящих религиозных галахических евреев – три миллиона, остальные – не настоящие, но тоже религиозные – прогрессивные, консервативные и прочие. Это я видел своими глазами. В Израиле теперь не принято еврею ходить без кипы, общественное мнение этого не переносит. И на работу сложнее устроиться, и в школе мальчику объяснят, что негоже, мол, папе манкировать... Есть много способов.

Какие впечатления я вынес? Что бросается в глаза? Не много. Очень обидно, даже мне, немолодому человеку, что большинство женщин, несмотря на жару, ходит в длинных плотных платьях, скрывающих все. Мы от этого давно отвыкли. Если в платочке – арабка, если в шляпке – еврейка. Если в кипе или черной шляпе – еврей, если без них – араб или, в крайнем случае, иностранец. Отличить легко.

С первого взгляда становится ясно, что Израиль не богат. Очень даже не богат. Как и положено стране третьего мира, у которой не забил фонтан нефти. Видно, что и фонтан воды тоже не забил, а он был бы очень даже кстати... По сравнению со Штатами и Европой – контраст разительный. Ну и хватит об этом.

Я теперь знаю, что весь последний год в стране обсуждали, какое будет государство на месте Израйля. К Палестине присоединяться не хотели ни евреи, ни арабы. Дела там сейчас не блестящие. Да и откуда им быть блестящими? Фонтан нефти там тоже до сих пор не обнаружен.

Сара говорит, что решение предвидится такое. Это будет как бы исторический заповедник – государство трех религий со столицей в Иерусалиме, на который Палестина в такой ситуации уже не претендует. Нижней палатой будет кнессет, а верхней – религиозная ассамблея. Это позволит принимать помощь от всех трех религий, молиться и сводить концы с концами. Проблема сейчас в названии. Арабы ни за что не оставят ненавистное им имя Израиль.

Сара утверждает, что страна будет называться Государство Иерусалим. Раньше она никогда не ошибалась. Интересно, как на этот раз?..